

эрика йонг

я не боюсь летать

*Самый эротичный роман
в истории человечества
по версии журнала «Playboy»*

Мировой бестселлер (Эксмо)

Эрика Йонг

Я не боюсь летать

«ЭКСМО»

1998

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Йонг Э.

Я не боюсь летать / Э. Йонг — «Эксмо»,
1998 — (Мировой бестселлер (Эксмо))

ISBN 978-5-699-95470-4

Айседора Уинг боится летать, боится мечтать, боится жить и быть собой. Когда она сидит в самолете, у нее холодеют пальцы, а ноги она не отрывает от пола, чтобы не потерять контроль. Пять лет Айседора страдает от одиночества рядом с мужем-занудой, который анализирует каждую ее фразу. Но внезапно соблазнительный незнакомец зовет ее отправиться с ним в путешествие, забыть обо всех несчастьях и обрести свободу. Хватит ли духу у трусливой Айседоры решиться на этот поступок, преодолеть страхи и твердо сказать себе: «Я не боюсь летать».

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-95470-4

© Йонг Э., 1998
© Эксмо, 1998

Содержание

1	7
2	16
3	30
4	39
5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Эрика Йонг Я не боюсь летать

Erica Jong
FEAR OF FLYING

This edition published by arrangement with the author and Synopsis Literary Agency

Серия «Мировой бестселлер»

Copyright © 1973, 1998 by Erica Jong.

© Крылов Г., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Посвящается Грейс Дарлинг Гриффин и моему дедушке Сэмюэлю Мирски

Выражаю благодарность моим неустрашимым редакторам Аарону Эшеру и Дженнифер Джозефи. А также Национальному фонду искусств за грант, который помог мне в создании этого романа. Мои благодарности Бетти Анне Кларк, Аните Гросс, Рут Салливан, Мими Бейлин и Линде Богин. Особая благодарность опекавшей меня музе, которая с самого начала выделила мне отдельную комнату.

*Увы, любовь! Для женщин искони
Нет ничего прекрасней и опасней:
На эту карту ставят жизнь они.
Что страсти обманувшейся несчастней?
Как горестны ее пустые дни!
А месть любви – прыжка пантер ужасней!
Страшна их месть! Но, уверяю вас,
Они страдают сами, муча нас!*

*И вспомните, как часто мы, мужчины,
Несправедливы к женщинам! Не раз,
Обманывая женщин без причины,
Мы учим их обманывать и нас.
Скрывая сердца боль от властелина,
Они молчат, пока приходит час
Замужества, а там – супруг унылый,
Любовник, дети, церковь и... могила.*

*Иных любовная утешит связь,
Иных займут домашние заботы,*

*Иные, на фортуны осердясь,
Бегут от положенья и почета,
Ни у кого из старших не спросясь,
Но этим не спасаются от гнета
Условностей и, перестав чудить,
Романы принимают строчить.*

*Лорд Байрон. Дон Жуан
(Перевод Т. Гнедич)*

1

По пути на конгресс сновидений, или молниеносная случка

Двоемужие – это когда у тебя на одного мужа больше, чем нужно. То же самое относится и к одномуужию.
Анонимный афоризм (принадлежит женщине)

Рейсом компании «Пан-Ам» в Вену летели сто семнадцать психоаналитиков, и, по крайней мере, шестеро из них пользовали меня. А замуж я вышла за седьмого. Одному богу известно, почему я теперь так боюсь летать – гораздо сильнее, чем тринадцать лет назад, когда мои психоаналитические приключения только начинались. То ли причиной тому неумелость психотерапевтов, то ли моя неспособность к роли субъекта анализа.

Мой муж в терапевтических целях во время взлета ухватил меня за руку.

– Боже мой, она у тебя как лед.

Ему пора бы уже запомнить симптомы – мы с ним тысячу раз летали на самолете, и он так же держал меня за руку. Пальцы на руках и ногах становятся как ледышки, желудок подпрыгивает и упирается в ребра, температура кончика носа падает до того же уровня, что и температура пальцев, соски набухают и встают, как солдатики. И в течение одной оглушительной минуты мое сердце и двигатели работают в унисон, когда мы снова пытаемся доказать, что законы аэродинамики – не смешная выдумка, хотя в глубине души я уверена в обратном. Эта дьявольски успокоительная брошюрка «информация для пассажиров» и гроша ломаного не стоит; я уверена: только концентрация моей мысли (и убежденность моей матери, что ее дети погибли в авиационной катастрофе) удерживает железную птичку в воздухе. Я поздравляю себя с каждым успешным взлетом, но без особого энтузиазма, так как часть моей персональной религии состоит в том, что стоит исполниться уверенности и расслабиться, как самолет тут же рухнет. Мой девиз: «Бдительность каждую секунду». Должно преобладать настроение осторожного оптимизма. Но вообще-то мое настроение скорее можно описать как осторожный пессимизм.

«Ну хорошо, – говорю я себе, – похоже, мы оторвались от земли и летим в облаках, но опасность не миновала».

Напротив, мы находимся в самом опасном участке воздушного пространства. И как раз над Ямайским заливом, когда самолет ложится на крыло и разворачивается, табло «НЕ КУРИТЬ» гаснет. Отсюда мы вполне можем с жутким воем устремиться вниз, распадаясь на тысячи горящих кусков. А потому я продолжаю концентрировать мысленную энергию, помогая пилоту (зовут его Доннели, и говорит он увещающим голосом американца со Среднего Запада) вести эту хреновину вместимостью в двести пятьдесят пассажиров. Слава богу, у него стрижка ежиком и среднеамериканское произношение. Я бы ни за что не поверила пилоту с нью-йоркским говором – сама из Нью-Йорка, так что знаю, о чем говорю.

Как только мы отстегиваем ремни и в салоне начинается движение, я нервно оглядываю пассажиров – кто тут у нас на борту. Вот пышногрудая тетка-психоаналитик по имени Роза Швам-Липкин, у которой я недавно консультировалась – стоит ли мне отказаться от услуг моего нынешнего аналитика (которого, к счастью, нигде поблизости не видно). Вот доктор Томас Фроммер, грубоватый тевонец, специалист по Anorexia Nervosa¹, – он был первым психотерапевтом моего мужа. А вот добродушный толстопузый доктор Артур Фит-

¹ Нервная анорексия (лат.) – одно из расстройств пищевого поведения.

младший, третий (и последний) психиатр моей подружки Пии. А вот занудный коротышка доктор Раймонд Шриффт, он окликает светловолосую стюардессу (зовут ее Нэнси), будто такси останавливает. В течение целого года, навсегда запечатлевшегося в моей памяти, я встречалась с доктором Шриффтом – мне тогда было четырнадцать лет, и я изводила себя чуть не до смерти голодом в наказание за абсолютно невинную взаимную мастурбацию на диване в родительской гостиной. Он упорно настаивал, что снившаяся мне лошадь – мой отец, а месячные у меня восстановятся, как только я «поглашушь ш тем фактом, што я шенщина».

А вот улыбающийся плешивый доктор Харви Смакер, у которого я консультировалась, когда мой первый муж решил, что он Иисус Христос, и грозился прогуляться по пруду в Сентрал-парке. А вот фатоватый, одетый в сшитый на заказ костюм доктор Эрнест Клампнер, считающийся «блестящим теоретиком». Его последняя книга – психоаналитическое исследование Джона Нокса². А вот чернобородый доктор Стентон Раппопорт-Розен, недавно ставший одиозно известным в кругах психоаналитиков Нью-Йорка, после того как переехал в Денвер и основал нечто под названием «Групповой сеанс психоанализа лыжников – бегунов на дальние дистанции». А вот доктор Арнольд Аронсон делает вид, что играет в шахматы с новой женой – до прошлого года она была его пациенткой – певичкой Джуди Роуз. Оба украдкой оглядываются – не смотрит ли кто на них, – на мгновение мой взгляд встречается со взглядом Джуди Роуз. Она прославилась в пятидесятые годы, записав серию сатирических баллад о псевдоинтеллектуальной жизни в Нью-Йорке. Своим заунывным и нарочито немзыкальным голосом она исполняла сагу о еврейской девушке, которая слушает курс в Новой школе³, читает Библию ради ее стилистических достоинств, в постели спорит о Мартине Бубере⁴ и влюбляется в своего психоаналитика. Теперь она превратилась в героиню своей баллады.

Кроме психоаналитиков, их жен и нескольких несчастных простых людей, которых можно по пальцам перечесть, есть еще и детишки психоаналитиков. Их сыновья – в основном мрачнолицые подростки в широких брюках колоколом и с волосами до плеч, они, почти не скрывая скептицизма и презрения, поглядывают на родителей. Я помню, как сама девочкой путешествовала с родителями, непременно пытаюсь сделать вид, что они не со мной. Я пыталась потерять их в Лувре. Убежать от них в Уффици! С задумчивым видом сидеть в одиночестве над бутылкой кока-колы в парижском кафе, не показывая, что эти крикливые люди за соседним столиком мои родители. Я, видите ли, воображала, что являюсь представителем потерянного поколения, особой, изгнанной из дома родителями, сидевшими в трех футах от меня. И вот я снова оказалась в собственном прошлом, или в плохом сне, или в плохом фильме: «Психоаналитик» и «Сын психоаналитика». В самолете, битком набитом психотерапевтами, над которыми витала моя юность. Вот уж попала, так попала – лечу над Атлантикой со ста семнадцатью психоаналитиками, многие из которых слышали мою длинную печальную историю, но ни один ее не помнит. Идеальное начало для того кошмара, в который грозило превратиться путешествие.

Направлялись мы в Вену, а повод для этого был исторический. Тысячу лет и много войн назад – в 1938 году – Фрейд, когда нацисты стали угрожать его семье, бежал из своего знаменитого кабинета на Берггассе. Во времена Третьего рейха даже имя его в Германии находилось под запретом; психоаналитиков, которым повезло, выгнали из страны, а другую часть, которым не повезло, отправили в газовые камеры. Теперь Вена устраивала пышную церемонию, приглашая психоаналитиков в связи с открытием музея Фрейда в его прежнем

² Нокс, Джон (1510–1572) – шотландский священник, один из вождей протестантской реформации и основателей пресвитерианства.

³ Новая школа – высшее учебное заведение в Нью-Йорке, расположенное в Гринвич-Виллидже.

⁴ Бубер, Мартин (1878–1965) – австрийско-израильский философ, переводчик и просветитель.

кабинете, где он принимал своих пациентов. Приветствовать гостей должен сам мэр Вены, а прием устраивался в псевдоготическом венском Ратхаусе⁵. Публику завлекали бесплатными закусками, бесплатным шнапсом, поездками по Дунаю, экскурсиями на виноградники, песнями, танцами, всевозможной мурой, научными журналами, речами и путешествием в Европу, расходы на которое вычитались из кармана налогоплательщиков. Но самое главное, гостей ожидало старое доброе австрийское, *Gemütlichkeit*⁶. Изобретатели Schmaltz⁷ и крематория собирались продемонстрировать психоаналитикам, как здесь рады их возвращению.

Добро пожаловать! С возвращением! Мы приветствуем, по крайней мере, тех из вас, кто пережил Освенцим, Бельзен⁸ и Лондонский блиц, кто сумел приспособиться к американской жизни. *Willkommen!*⁹ Уж чего у австрийцев нельзя отнять, так это их обаяния.

Вопрос о проведении съезда в Вене горячо обсуждался в течение нескольких лет, и многие из психоаналитиков приехали туда против желания. Частью проблемы был антисемитизм, но, кроме этого, существовала опасность, что радикальные студенты Венского университета решат организовать демонстрации. Психоанализ не в чести у новых левых, они считали его «слишком индивидуалистическим», утверждая, что он не внес никакого вклада во «всемирную борьбу за коммунизм».

Один новый журнал попросил меня внимательно наблюдать за всеми развлечениями и играми на съезде, дабы написать сатирическую статью. Я начала исследование с доктора Смакера, сидевшего у кухонного блока, где ему подавала кофе одна из стюардесс. Он посмотрел на меня, но в глазах его так и не мелькнул блеск узнавания.

– Что вы думаете о возвращении психоанализа в Вену? – спросила я самым жизнерадостным голосом женщины-интервьюера.

Доктора Смакера, казалось, мой вопрос потряс возмутительным запанибратством. Он смерил меня долгим испытующим взглядом.

– Я пишу статью для нового журнала, который называется «Вуайер», – сказала я, полагая, что название по меньшей мере вызовет у него улыбку¹⁰.

– Ну тогда, – флегматично сказал Смакер, – позвольте узнать, что вы думаете на этот счет?

Он наклонился к своей жене – невысокой крашеной блондинке в синем вязаном платье с крохотным зеленым крокодилом над правой грудью.

Ну, я могла предвидеть. Почему психоаналитики всегда отвечают вопросом на вопрос? И почему сегодняшний вечер должен чем-то отличаться от любого другого вечера, кроме того факта, что мы летим на 747-м и едим некошерную пищу?

«Еврейская наука» – так называют психоанализ антисемиты. Переворачивай все вопросы с ног на голову и засовывай их в задницу вопрошающему. Все аналитики, похоже, талмудисты, в первый год изгнанные из семинарии. Я вспомнила любимую шутку моего деда.

Вопрос: Почему еврей всегда отвечает вопросом на вопрос?

Ответ: А почему еврей не имеет права ответить вопросом на вопрос?

Но что в конечном счете всегда выводило из себя, так это отсутствие воображения у большинства психоаналитиков. Ну хорошо, мой первый мне здорово помог – тот немец,

⁵ Ратхаус (нем.) – ратуша.

⁶ Гостеприимство (нем.).

⁷ Топленое сало (нем.).

⁸ Берген-Бельзен (нем. Bergen-Belsen) – нацистский концентрационный лагерь в земле Нижняя Саксония, к юго-западу от Бергена.

⁹ Добро пожаловать (нем.).

¹⁰ У этого названия несколько значений – помимо очевидного «наблюдатель, соглядатай» еще и «вуайерист», человек, получающий сексуальное удовольствие от подглядывания за другими.

который собирался читать доклад в Вене, – но он был редкой птицей: остроумный, самоироничный, без всякой показушности. В чем в чем, но в отсутствии воображения обвинить его невозможно, а без воображения даже самые блестящие психоаналитики превращаются в напыщенных идиотов. Другие, которых я посещала, на удивление оказывались лишенными воображения. Лошадь, которая тебе снится, – твой отец. Приснившаяся газовая плита – твоя мать. А кучи дерьма, которые снятся, на самом деле – твой психоаналитик. И называется подобное – трансференция¹¹. Разве нет?

Вам приснилось, что вы сломали ногу на снежном склоне. Вы и на самом деле недавно сломали ногу на снежном склоне, лежите на кровати в десятифунтовом гипсе и на несколько недель заперты в четырех стенах, но, помимо этого, получили прекрасную возможность созерцать пальцы на ноге и размышлять о гражданских правах инвалидов. Но сломанная нога в сновидении, оказывается, символизирует «искалеченные гениталии». И вообще, ты всегда хотела, чтобы у тебя был пенис, и чувствуешь себя виноватой из-за того, что намеренно сломала ногу, желая получить удовольствие от гипса. Разве нет? Нет!

Ну хорошо, оставим в покое «искалеченные гениталии». Но ведь от дохлой-то лошади никуда не денешься. И забудем о вашей матери – газовой плите и о том, что ваш психоаналитик – куча дерьма. Что у нас останется, кроме запаха? Я не говорю о первых годах анализа, когда вы в поте лица отыскиваете собственных тараканов, надеясь и поработать немножко, а не посвящать всю жизнь неврозам. Я говорю о том случае, когда вы и ваш муж посещаете психотерапевта чуть не с пеленок и дошли до такого состояния, когда ни одно решение, даже самое ничтожное, не может быть принято без того, чтобы в облаке у вас над головой не собрался некий воображаемый синклит. Вы чувствуете себя как троянские воины в «Илиаде», над которыми сражаются Зевс и Гера. Я говорю о том периоде, когда ваш брак становится *menage à quatre*¹². Ты, он, твой психоаналитик, его психоаналитик. Четверо в кровати. Такая картинка явно заслуживает индекса «X»¹³.

Мы пребывали в таком состоянии по крайней мере в течение последнего года. Каждое решение согласовывалось с аналитиком или же рассматривалось в свете психоанализа. Стоит ли нам переезжать в большую квартиру? «Сначала нужно проверить, что происходит» – этот эвфемизм Беннета обозначает «прилечь на кушетку»¹⁴. Будем рожать ребенка? «Давай-ка сначала провентилируем это дело». Поступим в теннисный клуб? «Сначала нужно проверить, что происходит». Может, разведемся? «Давай-ка сначала провентилируем это дело – выясним подсознательное значение развода».

А все потому, что наш брак достиг критической точки. Пять лет – и простыни, полученные в качестве свадебного подарка, истончились и начали рваться. Пришло время решать, покупать ли новые простыни, обзаводиться ли ребенком и жить ли с бзиками супруга до конца дней или же расстаться с призраком брака, выкинуть драные простыни и снова начать спать со всеми подряд. Принятие решения, конечно же, еще больше осложнялось психоанализом, главное допущение которого в том, что, невзирая на все факты, свидетельствующие против, твое состояние постоянно улучшается. Припев звучит приблизительно так:

«Когда женился на тебе, детка, я прямехонько двигался к самоуничтожению, но теперь я просто как огурчик, ура-ура-ура».

(Иными словами, сказанное означало: на рынке женихов ты вполне могла бы найти кого-нибудь получше, поприятнее, покрасивее, поумнее и даже поудачливее.)

¹¹ Трансференция (*transference*) – в психоанализе: процесс, при котором пациент начинает чувствовать и действовать в соответствии с желаниями врача, считая его кем-либо, с кем он уже встречался ранее в жизни (например, властным родителем).

¹² Семей на четверых (*фр.*).

¹³ «X» – категория, присваиваемая «мягким» порнографическим фильмам, книгам и т. п.

¹⁴ Кушетка – неперенный атрибут кабинета психоаналитика, куда ложится пациент во время сеанса психоанализа.

На что он мог бы ответить:

«Ах, детка, я когда в тебя влюбился, ненавидел всех женщин, но теперь просто как огурчик, ура-ура-ура».

(Иными словами, сказанное означало: он мог бы найти кого-нибудь поприятнее, покрасивее, поумнее, кто и готовит лучше и даже имеет перспективу унаследовать кое-что от папочки, чтобы в поте лица не требовалось зарабатывать на хлеб насущный.)

– Беннет, старина, тебе пора поумнеть, – обычно говорила я, когда мне казалось, что ему в голову приходят подобные мысли, – может, ты найдешь себе какую-нибудь еще более фаллическую женщину с еще более сильным комплексом кастрации и нарциссизма, чем у меня.

В звании жены психоаналитика есть одно преимущество – можно пудрить ему мозги их же терминологией, выбирая самые подходящие моменты. Но мне и самой приходили в голову такие мысли, и если Беннет знал о них, то помалкивал. Был в нашем браке какой-то жуткий изъян. Наши жизни шли параллельно, как железнодорожные пути. Беннет проводил день в своем кабинете, в больнице, у личного психоаналитика, а потом, когда наступал вечер, возвращался в кабинет, где оставался до девяти или десяти. Два дня в неделю я преподавала, а остальное время писала. Преподавательское расписание оказалось легким, а вот писание изматывало, и к тому времени, когда Беннет возвращался домой, я была готовенькая – еще чуть-чуть и завою. У меня накопилось много одиночества, много часов наедине с пишущей машинкой и фантазиями. И всюду, казалось, меня подстерегали мужчины. Казалось, мир переполнен свободными, интересными мужчинами – и где все они были до моего замужества?!

Но что такое брак – священная корова, что ли? Даже если ты влюблена в мужа, неизбежно наступает время, когда упражнения с ним в постели становятся такими же пресными, как овсянка по утрам, – да, желудок наполняет, для здоровья полезно, но дух не захватывает. А ведь хочется чего-нибудь с перчиком, чтобы все горело.

Я не возражала против брака. Наоборот, я в него верила. Я испытывала потребность иметь одного милого дружка в этом враждебном мире, быть преданной одному человеку, невзирая ни на что. А со всеми другими желаниями, которые по прошествии некоторого времени замужество перестает удовлетворять, что делать? Беспокойство, голод, зуд между ног, ощущение пустоты внутри, желание быть заполненной, когда каждая твоя дырка хочет, чтобы ее оттрахали, жажда сухого шампанского и влажных поцелуев, запаха пиона в пентхаусе июньской ночью, света в конце пирса, как в «Гэтсби»...¹⁵ Да разве в этом дело, в конце концов, ведь ты прекрасно понимаешь, самые богатые еще скучнее, чем ты и я, а в том, что оно пробуждает. Иронический горько-сладкий словарь любовных песен Коула Портера¹⁶, печальная сентиментальная лирика Роджерса и Харта¹⁷, вся эта романтическая чепуха, которой жаждало сердце одной половиной и над которой горько насмехалось – другой.

Вырасти женщиной в Америке. Ну и задачка, доложу я вам! Растешь, а в ушах не замолкают реклама косметики, песни о любви, полезные советы, горескопы¹⁸, голливудские сплетни и нравственные дилеммы на уровне мыльной оперы. Ах, какие рекламные литании о хорошей жизни поются тебе изо дня в день! Какие забавные катехизисы!

«Твоя кожа: нет ничего дороже». «Румянец, неотличимый от настоящего». «Люби свои волосы». «Хочешь иметь красивое тело? Мы переделаем то, что у тебя есть». «Твое лицо

¹⁵ Имеется в виду роман Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби»: в конце пирса рядом с домом Дейзи, одной из героинь романа, всегда горит зеленоватый свет, явно имеющий символический характер.

¹⁶ Портер, Коул Альберт (1891–1964) – американский композитор и автор популярных песен.

¹⁷ Роджерс, Ричард (1902–1979) – американский композитор; Харт, Лоренц (1895–1943), автор песенных текстов; Харт и Лоренц долгое время работали вместе.

¹⁸ В оригинале *whoreoscope*, что можно перевести как «шлюхоскоп».

сияет не потому, что оно сияет всегда, а потому, что ты увидела его». «Ты проделала немалый путь, детка». «Как посчитаться со всеми мужчинами зодиака». «Звезды и твое чувственное “я”». «Они говорят ему: закажи мне “Катти Сарк”¹⁹». «Алмазы навсегда». «Если у тебя проблемы со спринцеванием...» «Длина и свежесть в одном»²⁰. «Как я решила свою проблему с запахом». «Леди, не волнуйся». «Все женщины любят “Шанель № 5”». «Как робкой девушке преодолеть стыдливость?» «“Femme”²¹ – мы назвали его твоим именем».

Вся эта реклама и горескопы, похоже, имели одну цель: внушить, что если ты себя достаточно любишь – принимаешь меры, чтобы от тебя не пахло, не забываешь о своих волосах, буферах, ресницах, подмышках, промежности, пятнышках и шрамах и выбираешь правильное виски в баре, – то все в порядке, ты познакомишься с красивым, сильным, сексуальным и богатым мужчиной. Он удовлетворит все желания, оттрахает во все дырки, заставит сердце замереть (или вообще остановиться), взор – затуманиться, а тебя самое – взлететь на Луну (предпочтительно на прозрачных крылышках), где ты будешь жить полностью удовлетворенная и всем довольная.

Но ужас в том, что будь хоть семи пядей во лбу, воспитывайся ты на Джоне Донне²² и Бернарде Шоу, изучай историю, или зоологию, или физику и собирайся потратить свою жизнь на нелегкую и требующую всех сил карьеру, зуд между ног не прекращался – любую школьницу эта чесотка сводила с ума. Понимаете, «ай-кью» не имел значения – будь он хоть сто семьдесят, хоть семьдесят, мозги промывали в любом варианте. Только приманки были разные. Только разговоры чуточку изощреннее. А копни чуть глубже, так любая жаждала быть раздавленной любовью, хотела, чтобы от любви у нее подкосились колени, чтобы все нутро заполнил гигантский член, извергающий сперму, чтобы она купалась в мыльной пене, шелках, бархатах и, конечно, деньгах.

Никто тебе не удосуживался сообщить, что такое брак. В отличие от европейской девушки ты даже не вооружена философией цинизма и практичности. Предполагалось, после замужества ты не должна вожделевать к другим мужчинам. А ты предполагала, что и муж твой не вожделевает к другим женщинам. Но вот желания просыпались, и ты впадала в панику, начиная ненавидеть себя. Какая же ты порочная женщина! Как ты можешь испытывать желание к чужим мужчинам? Как ты можешь кидать взгляды на их топорщащиеся в паху брюки? Как ты можешь сидеть на собрании и представлять себя в постели со всеми присутствующими мужчинами? Как ты смеешь, сидя в поезде, трахать глазами совершенно незнакомых тебе мужиков? Как ты можешь так поступать со своим мужем? Тебе что – никто никогда не говорил, что подобное не имеет никакого отношения к твоему мужу?

А как быть с другими желаниями, подавляемыми в браке? С возникающей время от времени потребностью побродяжничать, понять, способна ли ты сейчас жить сама по себе своим умом, сможешь ли выжить в лесной хижине и не сойти с ума. Иными словами, осталась ли ты цельной после всех этих лет, когда была половиной мужа, как муляж задних ног лошади на сцене в водевиле.

После пяти лет брака я изнемогала от накопившихся желаний – я жаждала мужчин и жаждала одиночества. Секса и затворнической жизни. Я понимала, мои желания противоречивы, от чего становилось только хуже. Я понимала, мои желания носят антиамериканский характер, что еще больше усугубляло ситуацию. В Америке любой образ жизни, кроме как в качестве половинки пары, считается ересью. Одиночество – антиамериканское проявление.

¹⁹ Здесь – название сорта виски.

²⁰ Реклама легких сигарет.

²¹ Женщина (*фр.*) – этим словом назван модный журнал для женщин.

²² Донн, Джон (1572–1631) – английский поэт, представитель метафизического направления, автор ряда любовных стихов, элегий, сонетов, эпиграмм, а также религиозных проповедей.

Его, пожалуй, можно простить мужчине, в особенности если он «обаятельный холостяк», который в короткие промежутки между браками «встречается со старлетками». Но если одинока женщина, то это, конечно, не ее личный выбор – она брошена. К ней и относятся соответственно – как к парии. Для женщины просто не существует достойного способа жить в одиночестве. Нет, она вполне способна достичь финансовой независимости (хотя и не в той мере, как мужчина), но эмоционально ей не дадут покоя. Семья, друзья, коллеги никогда не позволят забыть, что она безмужняя, бездетная и эгоистка, короче говоря, ее поведение порочит американский образ жизни.

Да и вообще без особых церемоний: женщина, даже зная, как несчастливы в браке ее подружки, никогда не должна позволять себе одиночества. Она живет так, будто постоянно находится в преддверии великого свершения. Словно ждет – вдруг появится прекрасный принц и заберет ее «от всего этого». Всего чего? Одиночества в собственной душе? Уверенности, что она – это она, а не кто-то другой?

Я реагировала на вышесказанное следующим образом: не заводить (пока) романов, не пускаться (пока) в бродяжничество, а развивать фантазии на предмет молниеносной случки. Молниеносная случка – больше, чем случка. Это платонический идеал. Молниеносной она называется потому, что, когда вы встречаетесь, застёжки-молнии спадают с вас, как лепестки роз, трусики слетают, как пушинки одуванчика. Языки переплетаются и истекают влагой. Душа вырывается из тебя через язык и устремляется в рот любовника.

Для настоящей, совершенной молниеносной случки высшего качества необходимо, чтобы ты прежде не знала этого мужчину. Я, например, обратила внимание, что мои увлечения быстренько сходят на нет, как только я успеваю подружиться с мужчиной, проникаюсь сочувствием к его проблемам, начинаю выслушивать его жалобы на жену, или на бывших жен, или на мать, или на детей. После этого он мне начнет нравиться, я даже смогу полюбить его, но... без страсти. А мне именно страстей и не хватало. Еще сделала для себя вывод: если хочешь, чтобы человек разонравился, есть один верный способ, понаблюдай за ним – какие у него бзики и привычки, разбери его по косточкам. Тогда он становится насекомым на булавке, газетной вырезкой, заламинированной в пластик. Я могу наслаждаться его компанией, даже временами восхищаться, но он уже утратил прежнее влияние – я больше не просыпаюсь с дрожью по ночам при мысли о нем. Он мне не снится. У него нет лица. Таким образом, еще одним условием молниеносной случки является краткость. А если добавится анонимность, то вообще высший класс.

Живя в Гейдельберге, я четыре раза в неделю ездила во Франкфурт на прием к психоаналитику. Поездка занимала час в одну сторону, и поезда стали важной частью моей фантазийной жизни. В поездах постоянно попадались красивые мужчины, мужчины, знавшие по-английски два-три слова, мужчины, чья трафаретность и банальность были скрыты моим незнанием французского, или итальянского, или даже немецкого.

Один из сценариев молниеносной случки подсказал мне, вероятно, итальянский фильм, увиденный много лет назад. По прошествии некоторого времени я его слегка приукрасила, чтобы он больше отвечал моим представлениям. Путешествуя туда-сюда из Гейдельберга во Франкфурт и обратно, я проигрывала его у себя в голове бесчисленное количество раз.

Мрачное купе европейского поезда, второй класс. Сиденья жесткие, обиты кожзамени-телем. От коридора купе отделяет сдвижная дверь. Мимо окна проносятся оливковые деревья. С одной стороны сидят две сицилийки, между ними – девочка. Похоже, мать с дочкой и бабушка. Обе женщины соревнуются друг с другом – кто больше еды запихнет в рот девочке. С другой стороны, у окна, сидит хорошенькая молодая вдова в тяжелой черной вуали и черном платье в обтяжку, подчеркивающим достоинства соблазнительной фигуры. Она обильно

потеет, и глаза у нее припухли. Сиденье посередине пустует, а у двери сидит невероятно толстая женщина с усами. Ее громадные ягодицы занимают чуть ли не половину свободного сиденья. Она читает какую-то поганенькую книжицу, где герои представлены фотографиями моделей, а диалоги напечатаны в облачках у них над головами.

Так эта пятерка и едет некоторое время – вдова и толстуха помалкивают, мать и бабушка говорят с девочкой и друг с дружкой. Потом поезд со скрежетом останавливается на станции под названием Корлеоне. В купе заходит высокий солдат с томным выражением на лице. Он небрит, но у него копна прекрасных волос, раздвоенный подбородок и дьявольский ленивый взгляд. Солдат невинно оглядывает купе, видит пустую половинку места между толстухой и вдовой, с многочисленными игривыми извинениями садится. Он потный и расстрепанный, но в остальном являет собой довольно соблазнительный экземпляр, лишь слегка подтухший от жары. Поезд со скрежетом срывается с места и покидает станцию.

Теперь остается только тряска поезда и ритмическое движение бедра солдата относительно бедра вдовы. Конечно, он прижат и к бедру толстухи, и та старается отодвинуться от него, в чем нет никакой необходимости, потому что он даже не чувствует прикосновения к ее расплывшимся по сиденью ягодицам. Его взгляд прикован к большому золотому кресту между грудей вдовы – крестик трогательно покачивается в вырезе ее платья. Тюк. Остановился. Тюк. Крестик ударяет то по одной влажной груди, то по другой и словно медлит в промежутке, как бы застревая между двумя магнитами. Колодец и маятник²³. Он загипнотизирован. Она смотрит в окно, разглядывает оливковые деревья, словно никогда их не видела. Он неловко поднимается, делает полупоклон дамам и пытается открыть окно. Когда он снова садится, его рука случайно касается живота вдовы. Она, похоже, не замечает этого. Он кладет левую руку на сиденье между своей ногой и ее и начинает ввинчивать свои гибкие пальцы под мягкую плоть ее бедра. Женщина продолжает разглядывать оливковые деревья, словно она Господь Бог и только что сотворила их, а теперь думает, как назвать.

Огромная толстуха тем временем убирает свой роман в переливчатую зеленую пластиковую сумку на тесемках, набитую пахучими сырами и начинающими чернеть бананами. А бабушка заворачивает концы салями в засаленную газету. Мать надевает на девочку свитер, вытирает ей лицо платком, любовно увлажненным материнской слюной. Поезд со скрежетом останавливается на станции под названием, скажем, Прицци, и толстуха, мать, бабушка и девочка выходят из купе. Поезд снова трогается. Золотой крестик начинает покачиваться – тюк-пауза-тюк – между влажных грудей вдовы, пальцы углубляются под бедро вдовы, а вдова продолжает взирать на оливковые деревья. Наконец пальцы оказываются между ее бедер, раздвигают их и устремляются вверх в жаркое пространство между ее тяжелыми черными чулками и подвязками, а потом проскальзывают под подвязки во влажное, неприкрытое трусиками место между ее ног.

Поезд въезжает в *galleria*, или туннель, и в полутьме осторожность и робость забыты окончательно. Солдатский ботинок где-то в воздухе, темные стены туннеля, гипнотизирующее раскачивание поезда и долгий высокий свисток, когда поезд наконец появляется на свет божий. Вдова без единого слова выходит на станции под названием, скажем, Бивона. Она пересекает пути, осторожно перешагивая через рельсы в своих узеньких черных туфлях и тяжелых черных чулках. Солдат смотрит ей вслед, словно Адам, не знающий, как ее назвать. Потом вскакивает и бросается за ней из поезда. Но тут на пути его оказывается длинный

²³ Аллюзия с известным рассказом Эдгара По «Колодец и маятник».

товарный состав, который тащится по параллельным путям. За вагонами мужчина теряет ее из вида. Наконец двадцать пять грузовых вагонов проходят, но она к тому времени исчезает навсегда.

Вот один из сценариев молниеносной случки.

Молниеносна эта случка не потому, что ширинки на молниях вытесняют ширинки на пуговицах, и не потому, что ее участники так уж убийственно привлекательны, а потому, что в этом происшествии события сжаты как во сне и, кажется, не вызывают ни чувства раскаяния, ни вины; просто тут нет никаких разговоров о ее покойном муже или его невесте, нет никакой корысти, тут нет вообще никаких разговоров. Молниеносная случка – вещь абсолютно чистая. Она лишена каких-либо скрытых мотивов. Здесь нет силового компонента. Мужчина не «берет», а женщина не «дает». Никто не пытается наставить рога мужу или унижить жену. Никто никому не пытается что-либо доказать, никто не пытается получить что-либо от другого. Чище молниеносной случки и быть ничего не может. И встречается она реже единорога. У меня молниеносной случки никогда не было. Иногда казалось, она уже совсем близко, но тут я обнаруживала лошадь с рогом из папье-маше или двух клоунов, одетых единорогом. У меня чуть было не случилось нечто подобное с Алессандро, моим флорентийским другом. Но в конечном счете он оказался клоуном, выраженным единорогом.

Можете считать сей пестрый гобелен моей жизнью.

2

«Любая женщина любит фашиста»

*Каждая женщина боготворит фашиста,
Жестокого, как удар ботинка в лицо,
Жестокого как твое сердце.*

Сильвия Плат²⁴

В шесть утра мы приземлились во франкфуртском Флюгхафене²⁵, вывалились из самолета в устланый резиновыми дорожками зал ожидания, который, несмотря на всю сверкающую новизну, наводил на мысли о лагерях смерти и депортациях. Целый час прождали, когда дозаправят наш 747-й. Все психоаналитики сидели неподвижно на сочлененных в ряды стульях из прессованного стекловолокна – серый, желтый, серый, желтый, серый, желтый... Безрадостность цветовой гаммы могла сравниться разве что с безрадостным выражением их лиц.

Они так и излучали респектабельность, угрюмую квинтэссенцию солидности, невзирая на длинные волосы, маленькие, пробные бородки, очки в тонкой металлической оправе и жен, одетых с претензией на богему, какую позволяют себе представители среднего класса: сандалии из кожи, мексиканские шали, подделки ювелиров из Виллиджа. Именно это, по зрелом размышлении, мне больше всего не нравилось у психоаналитиков. Они придерживаются умеренно левых взглядов, подписывают воззвания за мир, развешивают в своих кабинетах репродукции «Герники»... но все это камуфляж. Когда дело доходит до коренных вопросов: семья, положение женщины, денежки, перетекающие из кармана пациента в карман доктора, – тут они истые реакционеры. Тут у них на первом месте собственный интерес, как и у социал-дарвинистов Викторианской эпохи.

«Но женщины всегда серые кардиналы», – сказал мой последний психоаналитик, когда я попыталась объяснить, что чувствую себя бессовестной, ради получения от мужчин желаемого всегда использую женские чары. Наш окончательный разрыв произошел всего за несколько недель до путешествия в Вену. Я все равно никогда не доверяла Колнеру, но тем не менее продолжала его посещать, исходя из допущения, что недоверие – моя проблема.

– Но неужели вы не понимаете, – кричала я с кушетки, – в этом-то все и дело! Женщины используют сексуальную привлекательность, дабы манипулировать мужчинами, они подавляют в себе бешенство, никогда не бывают открытыми и честными...

Но доктор Колнер хотел видеть лишь то, что позволяло смотреть на движение за равные права женщин сквозь призму невроза. Любой протест против традиционного женского поведения непременно трактовался как «фаллический» или «агрессивный». Эти вопросы давно уже стали камнем преткновения, но именно высказывание о «серых кардиналах» наконец-то раскрыло мне глаза на то, как он меня воспринимает.

– Я не верю в то, во что верите вы, – завопила я, – и не уважаю то, во что вы верите, и не уважаю вас за то, что вы в это верите. Если вы делаете такие утверждения о серых кардиналах, то как вы можете понимать что-либо обо мне или о том, против чего я борюсь? Я не хочу жить по тем нормам, по которым живете вы. Я не хочу этой жизни и не понимаю, почему меня должны судить по ее стандартам. И еще я думаю, что вы ни черта не понимаете в женщинах.

– Может, это вы не понимаете, что значит быть женщиной, – возразил он.

²⁴ Из стихотворения «Папочка». Сильвия Плат (1932–1963) – американская поэтесса и писательница.

²⁵ Название франкфуртского аэропорта.

– Бог ты мой. Теперь вы еще и прибегаете к самому подлому аргументу. Неужели вы не понимаете, что мужчины всегда определяли женственность как средство держать женщин в подчинении? С какой стати я должна слушать ваши рассуждения о том, что такое быть женщиной? Вы что – женщина? Почему бы мне хоть разик не прислушаться к собственному мнению и к мнению других женщин? Я разговариваю с ними. Они мне рассказывают о себе. И почти все они чувствуют то же, что и я, пусть на этом и не стоит печать Американской ассоциации психоаналитиков «Добропорядочная домохозяйка».

Некоторое время мы пререкались подобным образом, перейдя на крик. Я презирала себя за то, что сыпала всякими идиотскими лозунгами из политической брошюрки, и за то, что вынуждена защищать крайне упрощенные, простодушные точки зрения. Я понимала, что упускаю тонкости. Я знала, есть и другие психоаналитики – например, мой немецкий психоаналитик, – которые вовсе не придерживаются таких женоненавистнических взглядов. Но еще я ненавидела Колнера за его узколобость, за то, что попусту трачу с ним мое время и мои деньги, выслушивая подлакированные клише касательно места женщин в обществе. Кому это нужно? То же самое можно получить и из печенья-гаданья. К тому же печенье не стоит сорок долларов за пятьдесят минут.

– Если вы и в самом деле так думаете обо мне, то я не понимаю, почему бы вам сейчас же не встать и не уйти! – выкрикнул Колнер. – Почему вы продолжаете приходить и выслушивать от меня все это говно?

Вот вам типичный Колнер. Когда он чувствует, что ему нечем крыть, то начинает хамить и употребляет непристойную лексику, желая показать, какой он крутой.

– Обычный комплекс маленького мужчины, – пробормотала я.

– Это еще что значит?

– Да так, ничего.

– Нет уж вы скажите. Я хочу выслушать. Не бойтесь меня оскорбить.

– Ах, какой большой, отважный психоаналитик. Я просто подумала, доктор Колнер, у вас, как это называется в психоаналитической литературе, «комплекс маленького мужчины». Вы становитесь дерзким и начинаете использовать бранные слова, когда вам кто-нибудь говорит, что вы вовсе не Господь Всемогуший. Я знаю, вам, наверное, нелегко мириться с ростом всего в пять футов четыре дюйма... Предлагаю вам обратиться к психоаналитику, и он облегчит ваши терзания.

– Брань на восточном восточном не виснет, – огрызнулся Колнер. Он опустился на уровень школьника начальных классов, хотя и полагал, что сказал нечто очень остроумное.

– Слушайте, ну почему вы считаете возможным осчастлививать меня вашими банальностями, а я должна быть вам благодарна за вашу несравненную мудрость и даже платить за нее? Но если я делаю то же самое по отношению к вам, на что имею законное право, поскольку немало денежек перекечевали из моего кармана в ваш, то вы приходите в ярость и говорите со мной как какой-нибудь злобный мальчишка.

– Я просто сказал: если вы так чувствуете, то должны оставить эти сеансы. Уйти. Удалиться. Хлопнуть дверью. Послать меня к черту.

– И признать, что прошедшие два года и несколько тысяч долларов, на которые я стала беднее, пошли коту под хвост? Я хочу сказать, что вы, судя по всему, и можете себе позволить списать все, но мне это обойдется несколько дороже, чем просто расстаться с заблуждением, будто в этом кабинете происходило нечто мне нужное.

– Вы можете обговорить все это с вашим следующим аналитиком, – сказал Колнер. – Вы можете выяснить, что с вашей точки зрения было ошибочным...

– С моей точки зрения! Неужели вы не понимаете, почему столько людей отказываются, к чертям собачьим, от услуг аналитиков? Это все вина идиотов-аналитиков. Вы пре-

вратили анализ в некое подобие уловки двадцать два²⁶. Пациентка ходит к вам, и ходит, и ходит, платит и платит свои денежки, а если вам не хватает ума сообразить, что с ней происходит, или если вы понимаете, что не в силах ей помочь, то просто устанавливаете некий временной промежуток, в течение которого она должна ходить к вам, или отправляете ее к другому психоаналитику, чтобы разобраться, что было не так с первым. Вас нелепость этой ситуации ничуть не поражает?

– Меня поражает абсурдность того, что я сижу здесь и выслушиваю ваши тирады. Я могу только еще раз повторить сказанное. Если вам не нравится, то почему бы не убраться к чертям?

Я словно во сне – никогда не подумала, что способна на такое, – поднялась с кушетки (сколько лет я на ней провела?), взяла свою записную книжку и вышла (нет, я не прошлась по комнате «вразвалочку», чего мне бы хотелось) за дверь. Я ее тихонько закрыла за собой. Никаких там хлопков дверью напоследок на манер Норы²⁷ – это только снизило бы эффект. Прощай, Колнер. В лифте было мгновение, когда я чуть не разрыдалась.

Но когда прошла два квартала по Мэдисон-авеню, моя душа ликовала. Всё, больше восьмичасовых сеансов у меня не будет! Больше не нужно мучиться, выписывая каждый месяц гигантский чек, пытаюсь понять, есть ли от этих словесных упражнений какой-то прок! Больше мне не нужно спорить с Колнером, будто я лидер какого-то движения! Я свободна! А если подумать о деньгах, что останутся теперь у меня в кармане! Я заглянула в обувной магазин и немедленно потратила сорок долларов на пару белых сандалий с золотыми цепочками. Настроение у меня поднялось на такую высоту, какой никогда не достигало после пятидесяти минут в обществе Колнера. Так, значит, на самом деле я не была свободна (мне все еще приходилось утешать себя с помощью шопинга), но, по крайней мере, я освободилась от Колнера. Для начала неплохо.

Направляясь на рейс в Вену, я надела эти сандалии, на них я и смотрела, когда мы строем возвращались в самолет. Какой ногой нужно ступить на борт – правой или левой, чтобы не разбиться? Как же я смогу предотвратить катастрофу, если я даже такой ерунды не могу запомнить? «Мамочка», – пробормотала я. Я всегда бормочу «мамочка», когда мне страшно. Но самое смешное, свою мать никогда не называю мамой и никогда не называла. Меня она назвала Айседора Зельда, но я стараюсь никогда не использовать второе имя. Насколько мне известно, она еще рассматривала варианты Олимпия по ассоциации с Грецией и Жюстина по ассоциации с маркизом де Садам²⁸. А я за это пожизненное клеймо всегда называю ее Джуд. Настоящее ее имя Джудит. Никто, кроме моей младшей сестры, не называет ее «мамочка».

Вена. Само имя звучит как вальс. Но я всегда терпеть не могла этот город. Он мне казался мертвым. Забальзамированным.

Мы приземлились в девять утра – аэропорт как раз открывался. «WILL KOMMEN IN WIENN» – приглашал он. Мы протопали через таможню, таща чемоданы и чувствуя себя вялыми после бессонной ночи.

У аэропорта был выдраенный и сверкающий вид. Я вспомнила беспорядок, грязь и хаос, к которым привычны ньюйоркцы. Возвращение в Европу всегда сродни потрясению. Улицы казались неестественно чистыми. Парки поражали целыми и чистыми скамейками, фонтанами и розовыми кустами. Клумбы выглядели неестественно аккуратными. Даже уличные телефоны работали.

²⁶ «Уловка 22» – роман Джозефа Хеллера. Выражение «уловка двадцать два» стало для американцев понятием нарицательным, символом патовой ситуации, когда любое действие, как, впрочем, и бездействие, лишь усугубляет предыдущее положение.

²⁷ Имеется в виду персонаж драмы Генрика Ибсена «Кукольный дом».

²⁸ Имеется в виду роман маркиза де Сада «Жюстина, или Несчастья добродетели».

Таможенный чиновник бросил взгляд на наши чемоданы, и не прошло и двадцати минут, как мы садились в автобус, заказанный для нас Венской академией психиатрии. Мы садились в него, исполненные наивной надежды, что сейчас приедем в отель и через несколько минут уляжемся спать. Мы не знали, что автобус будет кружить по венским улицам и остановится перед семью отелями, прежде чем через три часа наконец-то нас высадить.

Путь до отеля уподобился сну, где тебе нужно успеть куда-то, прежде чем случится нечто кошмарное, а твоя машина необъяснимым образом ломается или едет в обратную сторону. Как бы там ни было, я пребывала в полубессознательном состоянии, злилась и вообще всё раздражало меня в это утро.

Частично происходящее объяснялось той паникой, что я всегда испытываю, оказавшись в Германии. В Гейдельберге я прожила дольше, чем в любом другом городе, кроме Нью-Йорка, а потому Германия, да Австрия тоже, для меня второй дом. На немецком я говорила вполне свободно – свободнее, чем на любом другом языке, изученном в школе, – и была хорошо знакома с продуктами, винами, названиями брендов, временем закрытия магазинов, одеждой, популярной музыкой, сленговыми выражениями, манерами... Словно провела детство в Германии или же как будто мои родители были немцами. Но я родилась в 1942 году, и если бы мои родители являлись немецкими евреями, то я, скорее всего, родилась бы в концентрационном лагере и, наверное, там же и умерла бы, несмотря на светлые волосы, голубые глаза и миленький польский носик. Этого я тоже никогда не смогу забыть. Германия стала для меня как мачеха – бесконечно знакомая, бесконечно презираемая. И тем более презираемая, что слишком хорошо знакомая.

Я смотрела из окна автобуса на румяных старушек в их «удобных» бежевых туфлях и бугристых тирольских шляпках. Смотрела на их бугристые ноги и бугристые задницы. Я их ненавидела. Смотрела на них на рекламном щите, гласящем:

SEI GUT ZU DEINEM MAGEN
(Любите свой желудок)

Я ненавидела немцев за то, что они всегда думают о своем треклятом желудке, о своем Gesundheit²⁹, словно они изобрели здоровье, гигиену и ипохондрию. Я ненавидела фанатичную одержимость их самообманом чистоты. Обратите внимание: «самообманом», потому что на самом деле немцы вовсе и не такие чистюли. Кружевные белые занавесы, стеганные одеяла, висящие в окнах для проветривания, домохозяйки, надраивающие дорожки у себя перед домами, лавочники, моющие витрины, – все это часть тщательно продуманного фасада, призванного утешить иностранцев агрессивной цельностью. Но зайдите в немецкий туалет – и найдете приспособления, каких не увидите в любой другой стране мира. Унитазы там имеют маленькую горизонтальную полочку, чтобы вы могли рассмотреть свое говно, прежде чем его смоеет канализационный водопад. И в унитазе фактически нет воды, пока вы не дернете ручку. В результате в немецких туалетах пахнет говном, как ни в каких других туалетах мира. Я говорю это как опытный путешественник. Потом вы увидите грязную тряпку, именуемую общественное полотенце, она висит над умывальником, в кране которого есть только холодная вода, чтобы вы смочили ею вашу правую руку. Или ту руку, которой вы пользовались.

Живя в Европе, я часто думала о туалетах. Вот до какого безумия довели меня немцы. Я как-то раз пыталась даже составить классификацию людей на основе их отношения к туалету.

²⁹ Здоровье (нем.).

«История мира – взгляд из туалета». Эти слова я оптимистически написала наверху чистой страницы моего блокнота. «Эпическая поэма???»

Британский:

Британская туалетная бумага. Образ жизни. С покрытием. Не абсорбирует, не размягчается, не гнется. Нередко собственность правительства. В странах с высоким благосостоянием даже т. б. печатается в пропагандистских целях.

Британский туалет – последнее прибежище колониализма. Вода устремляется в унитаз, как водопад Виктория, а вы взираете на это, как землепроходец. Брызги летят вам в лицо. На одно краткое мгновение, пока вода бежит из бачка, Британия снова правит над волнами³⁰.

Цепочка сливного рычага элегантна. Настоящий шнур для звонка в богатом доме.

Немецкий:

Немецкие туалеты блюдут классовые различия. В вагонах третьего класса грубая оберточная бумага. В первом классе – белая бумага. Называется Spezial Krepp. Не требует перевода. Но немецкий унитаз уникален своей маленькой полочкой, какой не найдешь нигде в мире, на которую падает говно. Это позволяет вам внимательно приглядеться, сделать должный выбор среди политических кандидатов и подумать о том, что сказать психоаналитику. Еще удобно для алмазодобытчиков, которые перевозят алмазы контрабандой в желудке. Немецкие туалеты – ключ к ужасам Третьего рейха. Люди, создающие такие туалеты, способны на что угодно.

Итальянский:

Иногда вы можете почитать новости в «Corriere della Sera», прежде чем подотрете ими задницу. Но в целом туалеты здесь хороши, и говно исчезает задолго до того, как вы вскочите и развернетесь, чтобы насладиться его видом. Отсюда и итальянское искусство. У немцев для восторгов есть собственное говно. А итальянцы в его отсутствие занимаются скульптурой и живописью.

Французский:

Старые парижские отели с двумя бробдинггесскими отпечатками ступней, а между ними вонючая дыра. Чтобы заглушить запах выгребной ямы, в Версале посажены апельсиновые деревья. Il est défendu de faire pipi dans la chambre du Roi³¹. Свет в парижском туалете зажигается, только когда вы туда заходите.

Я почему-то не могу понять французскую философию и литературу визави с французским взглядом на merde³². Французы – весьма абстрактные мыслители, но при этом у них есть такой поэт бытовых подробностей, как Понж³³, который пишет эпическую поэму о мыле. Каким образом это связано с французскими туалетами?

Японский:

Приседание на корточки как базовый факт восточной жизни. Отхожее место как выемка в полу. Сзади нарисован цветочный сад. Это каким-то образом связано с дзенбуддизмом. (Сравни «сузуки».)

³⁰ Слова из неофициального гимна Великобритании на слова Джеймса Томпсона: «Британия, правь над волнами».

³¹ В королевских покоях естественные отправления находятся под защитой (*фр.*).

³² Говно (*фр.*).

³³ Понж, Франсис (1899–1988) – французский эссеист и поэт, пытавшийся соединить эти две формы.

До отеля мы добрались только после полудня, а там обнаружили, что для нас выделен крохотный номер на последнем этаже. Я хотела было возразить, но Беннета больше волновал отдых. Поэтому мы опустили жалюзи, чтобы не мешало полуденное солнце, разделись и рухнули на кровати, даже не распаковывая чемоданы. Несмотря на то что местечко было странноватое, Беннет сразу же заснул. Я ворочалась и сражалась с пуховым одеялом, пока не провалилась в какой-то судорожный сон, где мне виделись нацисты и авиакатастрофы. Я все время просыпалась – сердце рвалось из груди, зубы клацали. Такая паника меня обычно охватывает в первый день ночевки вне дома, но на сей раз было хуже из-за возвращения в Германию. Я уже жалела, что мы сюда прилетели.

Около половины четвертого мы проснулись и без особого энтузиазма занялись любовью на одной из односпальных кроватей. Мне все еще казалось, будто я сплю и Беннет – не Беннет, а кто-то другой. Но кто? Я видела его как-то нечетко. С четкостью у меня всегда обстояло плохо. Кто этот призрак, преследующий меня? Мой отец? Мой немецкий психоаналитик? Молниеносная случайка? Почему его лицо я всегда видела нечетко?

К четырем часам мы шли по Strassenbahn³⁴ – направлялись в университет, чтобы зарегистрироваться на съезде. День оказался ясным, небеса голубели, по ним бежали до нелепости пушистые белые облачка. И я шлепала по улицам в сандалиях на высоких каблуках, ненавидя немцев, ненавидя Беннета за то, что он не был незнакомцем из поезда, за то, что не улыбается, за то, что, будучи хорошим любовником, никогда не целует меня, за то, что записывает меня на приемы к психоаналитикам, гинекологам, вызывает электриков из Ай-би-эм, но никогда не покупает мне цветов. И не разговаривает со мной. И больше не хватает меня за задницу. Никогда не насакивает на меня как сумасшедший. Да и чего можно ждать после пяти лет супружества? Похихикивания в темноте? Хватания за задницу? Орального секса? Ну разве что изредка. Чего вам, женщинам, нужно? Фрейд задумался об этом, но так ничего и не предложил. Как вам, женщинам, хочется, чтобы вас трахали? Нравится ли вам, когда вас дрючат во время менструации? Нравится ли вам, если вас целуют утром, когда вы еще не успели почистить зубы и потянуться как следует? Нравится ли вам, если мужчина начинает смеяться с вами, когда выключается свет?

«Эрегированный член», – сказал Фрейд, предполагая, что их идея-фикс – это наша идея-фикс.

«Фаллоэксцентризм» – так кто-то сказал о философии Фрейда. Старик считал, будто солнце вращается вокруг мужского члена. И дочь его тоже.

И кто тут мог возразить? Пока женщины не начали писать книги, у этой сказочки имелась только одна сторона. На протяжении всей истории книги писались спермой, а не менструальной кровью. До двадцати одного года я мерила свои оргазмы по леди Чаттерлей, недоумевая: что же со мной не так? Неужели мне ни разу не пришло в голову, что на самом деле леди Чаттерлей – мужчина, а зовут ее Дэвид Лоуренс?

Фаллоэксцентризм. Вот в чем беда мужчин и вот в чем беда женщин. Недавно одна моя подружка нашла это в печенье-гаданье.

БЕДА МУЖЧИН В МУЖЧИНАХ,
БЕДА ЖЕНЩИН В МУЖЧИНАХ.

Как-то раз, желая поразить Беннета, я рассказала ему о церемонии инициации «Ангелов ада»³⁵. О той части, когда посвящаемый должен совокупиться со своей женщиной во время ее менструации на глазах у всех членов группировки.

³⁴ Улица (нем.).

³⁵ «Ангелы ада» – молодежная банда мотоциклистов, терроризировавшая Америку в 60-е годы.

Беннет ничего не сказал.

– Что, разве это не интересно? – не отставала я. – Разве не сногшибательно?

И снова в ответ ничего.

Я гнула свое.

– Почему бы тебе не купить маленького песика? – сказал он. – Выучишь его чему надо.

– Я должна сообщить о тебе в Нью-Йоркскую психоаналитическую ассоциацию, – сказала я.

Медицинский корпус Венского университета – это величественное гулкое здание с колоннами. Мы потащились вверх по длинному пролету ступенек. Наверху у регистрационного столика топтались с десяток аналитиков.

Услужливая молоденькая австрийка в больших очках и платье с широкой юбкой морочила всем голову, вещая о необходимых для регистрации документах. Она говорила на мучительно правильном английском. Я была уверена, что она жена одного из австрийских делегатов. Ей можно было дать не больше двадцати пяти, но улыбалась она со всем самодовольством Frau Doctor.

Я показала ей письмо от журнала «Вуайер», но она не позволила мне зарегистрироваться.

– Почему?

– Потому что у нас нет разрешения регистрировать прессу, – ухмыльнулась она. – Мне очень жаль.

– Это сразу видно.

Я чувствовала, как злость копится у меня в голове, словно пар в скороварке.

«Ишь ты, нацистская сука, – думала я. – Фрицева дочь».

Беннет посмотрел на меня взглядом, который говорил: «Успокойся». Он очень не любит, когда я злюсь на кого-то в присутствии других людей. Но его попытка осадить меня только добавила мне злости.

– Слушайте... если вы не зарегистрируете меня, то я и об этом напишу.

– Я знала, что как только заседания начнутся, то я смогу проходить на них даже и без бейджика, так что особого значения регистрация не имела. И потом, меня эта статья не особо и интересовала. Я была шпионом из внешнего мира. Шпион в доме психоанализа.

– Я уверена, вы не хотите, чтобы я написала о том, как психоаналитики боятся пускать писателей на свои заседания.

– Я ошень извиняюсь, – повторяла австрийская сучка. – Но у меня нет полномочий регистрировать фас...

– Я так полагаю, вы исполняете приказы.

– Я должна следовать полушенным инструкциям, – сказала она.

– Вы и Эйхман.

– Простите? – Она меня не расслышала.

Но расслышал кое-кто другой. Я повернулась и увидела сзади светловолосого растрепанного англичанина с трубкой, торчащей изо рта.

– Если вы хоть на минуту прекратите эту паранойю и попытаетесь использовать обаяние вместо силы, я уверен: никто не сможет вам противиться, – сказал он.

Он улыбался мне так, как улыбается мужчина, который лежит на тебе после особенно удовлетворительного оргазма.

– Вы наверняка психоаналитик, – сказала я. – Никто другой здесь так свободно не будет оперировать словом «паранойя».

Он усмехнулся.

На нем был очень тонкий хлопковый индийский куртах³⁶, а на груди виднелись рыжеватые курчавые волосы.

– Дерзкая телка, – сказал он, заграбастав в ладонь кусок моей задницы и ущипнув долгим игривым щипком. – У тебя хорошая попка, – сказал он. – Идем, я устрою, чтобы тебя пропустили на конференцию.

Конечно, как потом выяснилось, никаких полномочий у него не было, но об этом я узнала только после. Он шел с таким важным видом, что его можно было принять за главного организатора съезда. Он и в самом деле оказался организатором одной из предварительных конференций, но ему совершенно нечего было сказать о прессе. Да и кого она волновала, эта пресса? Мне хотелось только одного – чтобы он еще раз ухватил меня за задницу. Я бы пошла за ним куда угодно. В Дахау, в Освенцим – куда угодно. Я посмотрела по другую сторону регистрационной стойки и увидела Беннета, который очень серьезно разговаривал с другим аналитиком из Нью-Йорка.

Англичанин врезался в толпу и принялся с пристрастием допрашивать регистрационную девицу на мой счет. Потом вернулся ко мне.

– Слушай, она говорит, что тебе придется подождать и поговорить с Родни Леманом. Это мой приятель из Лондона, и он будет здесь в любую минуту, так что давай пока посидим в кафе, выпьем пивка и подождем его там.

– Я только предупрежу мужа, – сказала я. Эта фраза стала чем-то вроде рефрена на следующие несколько дней.

Он, казалось, обрадовался, услышав, что у меня муж. По крайней мере, расстроен этим известием он не был. Я спросила Беннета, не перейдет ли он в кафе на другой стороне улицы, чтобы присоединиться к нам, надеясь, конечно, что если это и случится, то не слишком скоро, но он отмахнулся от меня. У него наклеивался важный разговор о контртрансференции.

Я последовала за дымком из трубки англичанина вниз по ступенькам и на другую сторону улицы. Он дымил как паровоз, эта трубка словно служила его двигателем. Я же согласилась стать прицепным вагоном в этом составе. Мы уселись в кафе, взяв четверть литра белого вина для меня и пиво для него. На нем были индийские сандалии, не закрывавшие грязные ногти. Он ничуть не походил на психоаналитика.

– Ты откуда?

– Нью-Йорк.

– Я говорю о твоих предках.

– Зачем тебе это знать?

– Почему ты уходишь от моего вопроса?

– Я не обязана отвечать на твой вопрос.

– Я знаю.

Он выпустил клуб дыма и посмотрел куда-то вдаль.

В уголках его глаз появились сотни тоненьких морщинок, а уголки губ загнулись в улыбку, хотя на самом деле он и не улыбался. Я знала, что отвечу «да» на любое его предложение. Единственное, что меня беспокоило: а вдруг он попросит не очень скоро.

– Польские евреи с одной стороны, русские – с другой...

– Я так и думал. Ты похожа на еврейку...

– А ты похож на английского антисемита.

– Да брось ты... я люблю евреев...

– Ну да, некоторые из твоих лучших друзей...

– Еврейские девушки чертовски хороши в постели.

³⁶ Длиннополая индийская одежда.

Мне даже сразу в голову не пришло, что ответить.

«Господи Иисусе, – думала я, – вот он и есть. Настоящая м. с. Отличная молниеносная случайка. Чего мы ждем, черт побери? Уж конечно не Родни Лемана».

– Еще мне нравятся китайки, – сказал он. – И у тебя красивый муж.

– Наверное, стоит тебя с ним свести. Вы ведь оба психоаналитики. У вас много общего. Могли бы трахать друг друга в задницу под портретом Фрейда.

– Телка, – сказал он. – Вообще-то я больше люблю китайнок... но еврейские девушки из Нью-Йорка, если они с коготками, мне представляются ужасно сексуальными. Любая женщина, способная учинить скандал вроде того, что подняла ты у регистрационного столика, кажется мне весьма многообещающей.

– Спасибо.

Уж если мне кто говорит комплимент, то я его вполне могу распознать. Трусики у меня были мокрые – хоть венские улицы протирай.

– Ты единственный человек, которому показалось, что я похожа на еврейку, – сказала я, пытаюсь вернуть разговор на нейтральную территорию. Хватит про секс. Вернемся к расизму. То, что ему показалось, что я – еврейка, возбуждало меня. Одному богу известно почему.

– Слушай... я не антисемит, а вот ты – антисемитка. С чего ты решила, что не похожа на еврейку?

– Люди всегда принимают меня за немку... и я полжизни провела, слушая антисемитские истории, которые рассказывались людьми, и не предполагавшими, что я...

– Вот что я ненавижу в евреях, – сказал он. – Они считают, будто антисемитские шутки позволительны только им. Это дьявольски несправедливо. Почему я должен быть лишен удовольствия использовать мазохистский еврейский юмор только из-за гойского происхождения?

Слово «гой» прозвучало у него очень по-гойски.

– Ты его неправильно произносишь.

– Что? Гой?

– Да нет, с этим в порядке, я говорю про «мазохистский». – Он произносил это слово на английский манер: первый слог у него звучал как «мез». – Ты уж следи за собой, как произносишь еврейские слова, вроде «мазохистский», – сказала я. – Потому что мы, евреи, народ обидчивый.

Он заказал еще выпивку, делая вид, что выискивает взглядом Родни Лемана, а я очень профессионально плела ему всякую чушь про статью, которую собираюсь написать. Я почти снова себя убедила. Такова одна из самых больших моих проблем. Когда я начинаю убеждать других, мне это не всегда удается, но себя я неизбежно убеждаю. Врать у меня плохо получается.

– А у тебя настоящий американский акцент, – сказала он, улыбаясь своей улыбкой счастливо потрахавшегося человека.

– Нет у меня никакого акцента... акцент у тебя...

– Да ты сама послушай, – сказал он.

– Пошел в жопу.

– Неплохая мысль.

– Как, ты сказал, тебя зовут? (Возможно, вы помните, что это кульминационная строка из пьесы Стриндберга «Фрекен Юлия».)

– Адриан Гудлав, – сказал он и резко повернулся, пролив на меня свое пиво. – Извини, бога ради, – повторял он, протирая стол грязным платком, а потом и своей индийской робой, которую снял, скатал в комок и дал мне, чтобы я промокнула платье. Ах, какой рыцарский

поступок! Но я сидела, глядя на курчавые светлые волосы на его груди и чувствуя, как пиво сочится у меня между ног.

– Да бог с ним, я не очень расстраиваюсь, – сказала я, что было неправдой – я была в восторге.

Гудлав, Гудолл, Гудбар, Гудбар, Гудбой,
Гудчайлд, Гудив, Гудфеллоу, Гудфорд,
Гудфлиш, Гудфренд, Гудгейм, Гудхар,
Гудхью, Гудинг, Гудлет, Гудсан,
Гудридж, Гудспид, Гудтри, Гудвайн.

Если ты носишь имя Айседора Уайт Уинг, урожденная Вайсс, что мой отец вскоре после моего рождения отбелил до Уайт³⁷, то волей-неволей немалую часть жизни проводишь в размышлениях об именах. Адриан Гудлав. Мать назвала его Гадрианом, но потом отец заставил изменить имя на Адриан, ибо так «больше похоже на английское». Его отец настаивал, чтобы все походило на английское.

– Типичные узколобые англичане среднего класса. – Так Адриан характеризовал своих родителей. – Тебе бы они не понравились. Проводят жизнь, пытаясь бздеть во имя королевы. Пустое дело. У них постоянно запоры.

Чтобы усилить эффект своих слов, он громко пукнул, потом усмехнулся. Я взирала на него с удивлением.

– Ты настоящий дикарь, – усмехнулась я. – Естественный человек.

Но Адриан продолжал ухмыляться. Мы оба знали, что наконец-то я нашла настоящую молниеносную случку.

Ну хорошо, я готова признать: мои вкусы относительно мужчин не бесспорны. Тут будет еще масса подтверждений этому. Но кто спорит о вкусах? Все равно что описывать вкус шоколадного мусса или вид заката или объяснять, почему ты сидишь часами и корчишь рожи собственному ребенку... Найдется ли кто-нибудь, способный объяснить все это на бумаге. Мы принимаем на веру Ромео, Жюльена Сореля и графа Вронского. Даже егеря Меллорса³⁸. Улыбка, косматые волосы, запах трубочного табака и пота, циничная речь, опрокидывание пива, громкое пуканье на публике...

У моего мужа красивая голова с черными волосами и длинные тонкие пальцы. В первый вечер нашего знакомства он тоже хватал меня за задницу, рассказывая при этом о новых тенденциях в психотерапии. Вообще-то мне нравятся мужчины, которые умеют так быстро переходить от слов к делу. Зачем терять время, если притяжение очевидно? Но если мужчина, который мне не нравится, ухватит меня за задницу, то я, наверное, приду в бешенство, а возможно, даже испытаю отвращение. А кто может объяснить, почему одно и то же действие в одном случае вызывает у тебя отвращение, а в другом – возбуждает? И кто пояснит принципы отбора? Ненормальные от астрологии пытаются это сделать. И психоаналитики. Но их объяснениям всегда чего-то недостает. Словно они упускают самую суть вопроса.

Когда очарование проходит, начинаешь размышлять. Раньше я восхищалась дирижером с лоснящимися волосами, который никогда не принимал ванну и задницу себе толком не мог потереть. От него на моих простынях всегда оставались пятна говна. Обычно я от таких вещей не тащусь, но с ним – ничего, терпела, так до сих пор и не знаю почему. В Беннета я влюбилась отчасти потому, что у него были самые чистые яйца из тех, что я брала на язык. Безволосые. К тому же он практически никогда не потеет. Да с его жопы, если есть желание,

³⁷ Weiss – «белый» по-немецки, White – «белый» по-английски.

³⁸ Имеется в виду герой романа Г. Д. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей».

просто есть можно – чистота, как на кухонном полу моей бабушки. Так что если речь идет о фетишах, то тут я достаточно гибкая. В некотором роде они делают мои увлечения еще менее объяснимыми.

Но Беннет во всем видел стереотипы.

– Этот англичанин, с которым ты говорила, – сказал он, когда мы вернулись в номер отеля, – он на тебя глаз положил...

– С чего ты взял?

Он смерил меня циническим взглядом.

– У него просто слюни текли, когда он на тебя смотрел.

– А мне показалось, он самый неприветливый сукин сын из всех, что я видела. – Отчасти высказывание было справедливо.

– Верно... но ты всегда притягиваешь к себе неприветливых типов.

– Тебя, например.

Он притянул меня к себе и начал раздевать. Я чувствовала, что он возбудился, глядя, как Адриан вился вокруг меня. И я тоже возбудилась. И мы оба занялись любовью с духом Адриана. Счастливчик Адриан. Спереди его трахала я, а сзади – Беннет.

«История мира – взгляд из влагалища». Любовная игра. Древний танец. Хроника почище той, что я задумывала как «История мира – взгляд из туалета». Она впитает в себя все. Ведь в конечном счете все дороги ведут туда. Мы с Беннетом не всегда занимались любовью с каким-нибудь фантомом. Случалось, мы занимались любовью и друг с другом.

Мне было двадцать три, когда я, уже будучи в разводе, познакомилась с ним. Ему стукнул тридцать один год, и он еще ни разу не был женат. Такого молчаливого человека я в жизни не встречала. И такого доброго. Или, по крайней мере, я считала его добрым. И вообще, что я знаю о молчунах? Я прихожу из семьи, где децибелы за обеденным столом могут необратимо повредить среднее ухо. Может, мне и повредили.

Мы с Беннетом познакомились на вечеринке в Виллидже, на которой никто из нас не знал хозяйку. Нас обоих пригласили другие люди. Это был последний шик середины шестидесятых. Хозяйка черная, тогда еще слово «негр» находилось под запретом, и у нее была какая-то модная, пользовавшаяся большим спросом профессия – что-то вроде адвертайзинга. Она была с ног до головы в дизайнерской одежде, глаза подведены золотыми тенями. Там набилось полно психоаналитиков, рекламщиков, социальных работников, преподавателей Н-ЙУ, которых невозможно отличить от аналитиков. Тысяча девятьсот шестьдесят пятый год – еще нет ни хиппи, ни язычников. У аналитиков, преподавателей и рекламщиков пока еще короткие волосы и очки в роговой оправе. В те времена они даже брились. Чернокожие в ту эпоху продолжали распрямлять свои курчавые волосы. Ах, эта память о прошлых временах!

Я туда попала через знакомых, как и Беннет. Поскольку у моего первого мужа наблюдался психоз, то мне казалось вполне естественным во второй раз выйти за психиатра. В качестве противоядия, так сказать. Не хотела, чтобы со мной снова приключилось такое. Теперь я вознамерилась найти мужчину, у которого в кармане лежал ключ к подсознательному. А потому ошивалась в компаниях психоаналитиков. Я была очарована ими, так как мне казалось, что они знают всё, достойное знания. А они очаровывались мною, потому как считали «креативной личностью», это подтверждалось тем фактом, что я по 13-му каналу читала стихи собственного сочинения, а психоаналитику никакого другого подтверждения креативности и не требовалось.

Оглядываясь на свою жизнь до тридцати лет, я вижу всех моих любовников, сидящих спина к спине, словно в игре в музыкальные стулья³⁹. И каждый из них – противоядие от выбывшего. Каждый из них – реакция, поворот на сто восемьдесят градусов, рикошет.

Брайан Соллерман, мой первый любовник и первый муж, был очень невысокого роста, склонный к полноте, волосатый, смуглый. Еще он был настоящее пушечное ядро в человеческом обличье и говорил без умолку. Он всегда находился в движении, всегда выплевывал слова из пяти слогов. Он слыл специалистом по Средним векам, и не успевали вы произвести «Альбигойский крестовый поход», как он начинал рассказывать вам историю своей жизни в ошеломляюще мельчайших подробностях. Если вы находились в обществе Брайана, у вас возникало впечатление, что он не закрывает рта. На самом деле это было не совсем так, поскольку он таки замолкал, когда засыпал. Но когда у него завелись тараканы (в моей семье использовался этот вежливый эвфемизм), или стали проявляться симптомы шизофрении (как сформулировал один из его многочисленных психиатров), или когда ему открылся истинный смысл жизни (как заявил он сам), или когда у него случился нервный срыв (как выразился руководитель его докторской диссертации), или когда его, извините за выражение, жена, принцесса еврейская из Нью-Йорка, довела его до ручки (как сказали его родители), тогда он даже во сне не прекращал говорить. Вообще-то он просто перестал спать и целыми ночами напролет рассказывал мне о втором пришествии Христа, утверждая, что на сей раз Иисус может вернуться в образе еврея, специалиста по Средним векам, живущего на Риверсайд-драйв.

Конечно же, мы жили на Риверсайд-драйв, и Брайан был блестящим говоруном. Но я так увлеклась его фантазиями, настолько втянулась в это *folie à deux*⁴⁰, что потребовалась целая бессонная неделя, в течение которой я без конца слушала его, прежде чем меня осенило: а ведь Брайан сам себя прочит на роль мессии. Ему не очень понравилось, когда я сказала, что, возможно, он все же заблуждается – он меня чуть не придушил за этот вклад в дискуссию. Когда я перевела дыхание (чтобы не затягивать мой рассказ, я максимально упростила эту ее часть), он несколько раз пытался вылететь из окна или прогуляться по водам озера в Централ-парке, так что в конечном счете его пришлось насильно увезти в психиатрическую больницу, где Брайана посадили на торазин, компазин, селазин и прочие препараты, какие только пришли им в голову. К этому моменту я сама была готовенькая – и мне пришлось немного отдохнуть в родительском доме, где я проплакала целый месяц; перед лицом Брайанова безумия мои родные стали до странности здравомысленны. Но в один прекрасный день я почувствовала облегчение, проснувшись в тишине пустой квартиры на Риверсайд-драйв, и поняла, что вот уже несколько лет не слышала собственных мыслей. И тогда осознала: я больше никогда не вернусь к Брайану, перестанет он считать себя новоявленным Иисусом или нет.

Муж *numero uno* уходит. Входит странная процессия прочих чисел. Но я, по крайней мере, знала, чего ищу в *numero due* – добропорядочный тип, психиатр в противовес психу, неторопливый надежный секс как противоядие от Брайанова религиозного экстаза, который, казалось, вообще исключал секс, молчун как противоядие от шумливого, благоразумный гой как противоядие психованному еврею.

³⁹ Играть в музыкальные стулья может любое число игроков; число стульев должно быть на один меньше, чем игроков. Стулья расставляют кругом или в два ряда сиденьями наружу, а играющие размещаются поблизости. Неиграющий участник включает музыку, а играющие ходят вокруг. Неиграющий участник в любой момент может выключить музыку, и тогда игроки устремляются к стульям. Тот, кому не досталось места, выбывает из игры. Вместе с ним из игры выбывает и один стул. Последний оставшийся считается победителем. Русский аналог этой игры называется «Скучно так сидеть».

⁴⁰ Безумие на двоих (*фр.*).

Беннет Уинг появился словно из сна. Можно сказать – прилетел⁴¹. Высокий, красивый, с непроницаемо-восточным лицом. Длинные тонкие пальцы, безволосые яйца – очень миленькая шишечка, свисающая из промежности, когда он трахается, а в этом он абсолютно неутомим. А еще он не отличался разговорчивостью, и его молчание в то время было для меня музыкой. Откуда же мне было знать, что не пройдет и нескольких лет, как я почувствую себя какой-нибудь сраной Хелен Келлер⁴².

Уинг. Мне нравилась фамилия Беннета. К тому же он живой как ртуть. Крылышки у него располагались не на пятках, а на конце. Он воспарял в небеса, когда трахался. Он обвинялся в меня восхитительным винтом. Член у него всегда стоял, Беннет был единственным знакомым мужчиной, готовым трахаться в любой момент, даже если он зол или мрачен. Но почему он никогда не целовался? И почему никогда не говорил в процессе? Я кончала, кончала и кончала, и каждый оргазм походил на ледяную глыбу.

Было ли иначе вначале? По-моему, да. Меня ошеломило его молчание, как в свое время ошелолил непрекращающийся поток речи Брайана. Перед Беннетом я встречалась с дирижером, который любил свою дирижерскую палочку, но не умел вытирать задницу. Затем был флорентийский бабник, Алессандро Вульгарный, много позднее – кровосмесительная связь с зятем-арабом, романчик с профессором философии из Калифорнийского университета и всякие случайные ночные случки.

Я отправилась с дирижером в путешествие по Европе, смотрела, как он машет палочкой, носится с партитурами, но в конечном счете он удрал от меня к старой подружке в Париж. Таким образом, меня ранили музыка, сумасшествие и случайные случки. А молчаливый Беннет стал моим целителем – доктором головы и психоаналитиком вагины. Он меня трахал, а тишина при этом стояла такая, что ушам становилось больно. Он был хорошим аналитиком и умел слушать. Он знал все симптомы Брайана – мне ему и говорить о них не требовалось. Он знал, что мне пришлось пережить. Но самое удивительное – по-прежнему хотел жениться на мне, хотя я ему и рассказала о себе все.

– Лучше найди хорошенькую китаяночку, – говаривала я.

Дело не в расизме, а в моей боязни брака. Такое постоянство пугало. Даже первый брак меня страшил, но я вышла за Брайана, хотя и понимала, что делать этого не стоит.

– Я не хочу хорошенькую китаяночку, – сказал Беннет. – Я хочу тебя.

Как выяснилось, Беннет никогда в жизни не был близко знаком с китаянками и, уж конечно, ни одну из них не трахал. Он помешался на еврейских девушках. Похоже, у меня на роду написано всю жизнь иметь дело с такими мужчинами.

– Я рада, что ты хочешь меня, – сказала я благодарно.

Я и вправду была благодарна. Когда я перестала делать вид, что Беннет – это не Беннет, а кто-то другой? Ближе к концу третьего года нашего супружества. А почему? Этого мне так никто толком и не смог объяснить.

Вопрос: – Дорогой доктор Рубен, почему траханье неизменно превращается в некое подобие плавленого сыра?

Ответ: – Похоже, у вас есть хороший фетиш или то, что на языке психоаналитиков называется «устная фиксация». Вы никогда не подумывали о том, чтобы обратиться за профессиональной помощью?

Я крепко зажмурила глаза и представила себе, что Беннет – это Адриан. Я преобразовала Б в А. Мы пришли – сначала я, потом Беннет – в номер и, потя, принялись трахаться на жуткой гостиничной кровати. Я чувствовала себя несчастной. Какая же я мошенница! Настоящая измена и то лучше, чем притворство. Трахаться с одним мужчиной, думать о дру-

⁴¹ Здесь обыгрывается значение фамилии Уинг – «крыло».

⁴² Келлер, Хелен Адамс (1880–1968) – американская писательница и общественный деятель.

гом и помалкивать о своем обмане – это гораздо, гораздо хуже, чем трахаться с другим мужчиной, находясь в пределах видимости собственного мужа. Это хуже любого предательства, какое мне приходило в голову. «Ну, всего лишь фантазии, – сказал бы, наверное, Беннет. – Фантазии – всего лишь фантазии, они бывают у каждого. Только психопаты воплощают свои фантазии в жизнь. Нормальные люди так не сделают».

Но у меня больше уважения к фантазиям. Ты такая, какой себе видишься. Ты такая, какой видишь себя во снах наяву. Диаграммы и цифры Мастерса и Джонсон⁴³, мигающие лампочки, пластиковые фаллоимитаторы говорят нам о сексе все и ничего. Потому что секс – он весь в голове. Частота пульса и уровень гормонов не имеют к этому никакого отношения. Вот почему все бестселлеры с рекомендациями по сексу – сплошное надувательство. Они учат людей трахаться гениталиями, а не головой.

Какое имеет значение, что технически я «верна» Беннету? Какое имеет значение, что, выйдя за него замуж, я ни с кем другим не трахалась? Мысленно я изменяла ему по десять раз в неделю, и по крайней мере в пяти из этих десяти я ему изменяла, когда трахалась с ним.

Может быть, Беннет, трахаясь со мной, тоже воображал себе кого-то другого. Ну и что с того? Это его проблема. И нет никаких сомнений, девяносто девять процентов всех людей трахаются с фантомами. Может, и так, но ничуть не утешает. Я презирала лживость в себе и презирала себя. Я давно стала неверной женой, но откладывала фактическое совершение этого действия только из трусости. А оно делало меня неверной женой и трусом (трусихой?) одновременно. Если я трахнусь с Адрианом, то, по крайней мере, останусь только неверной женой.

⁴³ Тандем психологов в составе Уильяма Мастерса и Вирджинии Джонсон проводил в течение почти сорока лет (с конца 1950-х гг.) исследования сексуальных реакций, сексуальных нарушений и вырабатывал рекомендации в области секса.

3

Зачни, зачни

Секс, как я уже говорила, включает три фактора: размножение, удовольствие и гордость. В дальней перспективе, которую мы никогда не должны упускать из вида, размножение гораздо важнее всех остальных факторов, потому что без него не будет продолжения рода... Женский оргазм представляет собой завершение полового акта... и в качестве такового с точки зрения природы является относительной роскошью. Его можно рассматривать как некий приз-подарок, например, вроде тех, которые попадают в упаковке овсяных хлопьев. Хорошо, если вам достается приз, но если его нет, то и овсянка сама по себе полезна и питательна.

Мадлен Грей.

Нормальная женщина (sic), 1967⁴⁴

В моем сне Адриан и Беннет то поднимались, то опускались на качелях в зоне аттракционов в Сентрал-парке, где я часто гуляла маленькой девочкой.

– Может быть, ей следует пройти курс психотерапии в Англии, – говорил Беннет в тот момент, когда вверх поднимался его конец качелей. – Я тебе передам ее паспорт и историю инъекций.

Адриан в этот момент стоял на земле, он начал встряхивать качели, как большой мальчик, вошедший в раж на площадке для малышей.

– Прекрати! – закричала я. – Ему больно! – Но Адриан продолжал усмехаться и трясти качели. – Ты что не видишь – ему больно! Прекрати! – Я пыталась закричать, но, как и всегда во сне, слова застряли в горле. Я пребывала в ужасе оттого, что Адриан хотел сбросить Беннета на землю и переломать ему позвоночник. – Пожалуйста, пожалуйста, прекрати! – молила я его.

– Что случилось? – пробормотал Беннет. Я разбудила его – я постоянно говорила во сне, и он всегда мне отвечал.

– Что случилось?

– Ты качался с кем-то на качелях, и я испугалась.

– А-а, – сказал он и перевернулся на другой бок.

Дома Беннет обнял бы меня, но сейчас мы спали на узких кроватях в разных концах комнаты, и потому он просто уснул.

Я лежала, сна ни в одном глазу, я слышала птиц, которые устраивали гвалт в саду за отелем. Поначалу они мне нравились. Потом вспомнила, что это немецкие птицы, и тут же погрузилась в депрессию. По секрету скажу, я ненавижу путешествовать. Дома я испытываю беспокойство, но стоит выйти за дверь, я чувствую, как рок определяет каждое самое тривиальное действие. Во-первых, зачем мне понадобилось возвращаться в Европу? Вся моя жизнь истрепалась в клочья. В течение двух лет я ложилась в постель с Беннетом, думая о других мужчинах. В течение двух лет решала – то ли мне забеременеть, то ли пуститься в свободное плавание и посмотреть еще немного мир, прежде чем надолго бросить якорь в тихой гавани. Я не могла понять, как другие решаются забеременеть. Это такое жуткое решение. Столько силы нужно, чтобы его принять. Взять на себя ответственность за новую жизнь, когда ты понятия не имеешь, какой она будет. Я полагала, большинство женщин бере-

⁴⁴ Американский автор популярных книг о сексе.

менеют, даже не задумываясь об этом, потому что, если бы они дали себе труд хоть немного пораскинуть мозгами и понять, что это повлечет за собой, то их наверняка обуяли бы сомнения. У меня не было ни малейшей слепой веры в случай, какой, казалось, исполнены другие женщины. Я всегда хотела сама управлять своей судьбой, беременность представлялась мне полной потерей способности контролировать ситуацию. В тебе вдруг начинает кто-то расти, что в конечном счете совершенно меняет твою жизнь. Я неизменно пользовалась колпачком, случайная беременность мне не грозила. Даже в течение двух прошедших лет я принимала таблетки – ни дня не пропустила. Пусть во всем остальном я и была разгильдяйка, но в этом деле я пунктуальнее некуда. Фактически я единственная из всех моих подружек ни разу не делала аборт. Что со мной? Может, я неестественная? Я не чувствовала нормального женского желания забрюхатеть. Все мои мысли исключительно о том, что нечего думать о ребеночке с моим непосредством, с моей жадой молниеносных случек и незнакомых мужчин в поезде. Да и как я могла желать такой судьбы своему ребеночку?

«Если бы не ты, я бы стала знаменитой художницей», – говорила моя сумасбродная рыжеволосая мать. Она училась живописи в Париже, изучала анатомию и рисунок с натуры, акварель и графику и даже знала, как самой растирать пигменты. Она встречалась со знаменитыми художниками, знаменитыми писателями, знаменитыми музыкантами, знаменитыми дармоедами. Она танцевала обнаженной в Буа-де-Булонь⁴⁵, сидела в «Ле Дё Маго»⁴⁶ в черном вельветовом плаще, мчалась по улицам Парижа на бамперах «буггати», ездила на греческие острова за тридцать пять лет до Жаклин Кеннеди-Онассис, а потом вернулась домой, вышла замуж за катскиллского комика⁴⁷, собиравшегося переквалифицироваться и делать деньги на цацках, и родила четырех дочерей, которым были даны весьма поэтические имена: Гундра Миранда, Айседора Зельда, Лала Юстина и Хлоя Камилла.

Разве в этом моя вина?

Всю жизнь я чувствовала себя виноватой. И может, в некотором роде так оно и есть на самом деле. Родители и дети соединены пуповиной, и не только во чреве. Их соединяют таинственные силы. Если мое поколение собирается посвятить жизнь разоблачению родителей, то, может, и родителям нужно предоставить такие же возможности?

«Если бы не вы, доченьки, я была бы знаменитой художницей», – говорила мать.

И долгое время я ей верила.

Естественно, существовала и проблема ее собственного отца – тот тоже был художником и фанатически завидовал ее таланту. Она уехала в Париж, спасаясь от него, но почему тогда вернулась в Нью-Йорк, поселилась в его доме и жила там до сорока лет? У них была общая студия, и время от времени он писал поверх ее картин (но, конечно, только в тех случаях, когда у него не находилось чистых холстов). В Париже она стала кубисткой и пыталась найти собственный стиль с современной струей, но папочка, для которого живопись начиналась и кончалась Рембрандтом, высмеивал ее, пока она не бросила свои попытки.

«Это не художники, это маляры, – говорил папочка. – Сплошная мазня».

Почему она не съехала из отцовского дома? Я говорю эти слова, целиком и полностью отдавая себе отчет в их противоречивости, – я знаю: если бы она съехала, то я, возможно, никогда не появилась на свет.

Мы росли в жуткой четырнадцатикомнатной квартире к западу от Сентрал-парка. Крыша протекала (жили мы на последнем этаже); стоило вам засунуть кусочек хлеба в

⁴⁵ Один из парижских парков, по вечерам он становится местом различных самодеятельных выступлений и сбора «ночных бабочек».

⁴⁶ Знаменитое кафе в Париже, где собиралась интеллектуальная элита города.

⁴⁷ Катскиллские горы – район к северо-западу от столицы штата Нью-Йорк Олбани. В истории культуры Америки этот район назывался еще Борщовый Пояс (Bortsch Belt), курортная зона, освоенная американскими евреями. Здесь начинали свою карьеру многие молодые американские комики еврейского происхождения.

тостер, запахи распространялись повсюду, ванны побиты, водопроводные трубы проржавели, газовая плита на кухне похожа на старинную вещичку из бабушкиной кладовки, а оконные рамы были такие старые и перекошенные, что ветер свободно задувал сквозь щели. Но это было «творение Стэнфорда Уайта»⁴⁸, имевшее «две студии с северным светом», «панельные стены» в библиотеке и «освинцованные стекла», а на «сорокафутовом потолке» в гостиной было «настоящее листовое золото». Я помню эти фразы из жаргона торговцев недвижимостью – они преследовали меня все мое детство. Листовое золото. Я воображала себе кленовые листики из золота. Вот только как они прилепили их к потолку? И почему они не похожи на листики? Может, они их залепили, покрасили. И вообще, недоумевала я, где можно взять «настоящее листовое золото»? Оно что – растет на настоящих золотых деревьях? На настоящих золотых ветвях?

Вообще-то в библиотеке моих родителей была плохо напечатанная книга под названием «Золотая ветвь»⁴⁹. Я несколько раз тщетно листала ее страницы в поисках «настоящего листового золота». А вот всяких сексуальных вещей там встречалось хоть отбавляй. (Именно в эти времена я прятала в своем комодике под нижним бельем «Любовь без страха»⁵⁰.)

А потому мы жили у мамы и папы – как же, там ведь был «хороший северный свет» и «настоящее листовое золото», по крайней мере, так говорила моя мать. А мой отец тем временем путешествовал по миру – затеянное им производство цацек процветало, мать оставалась дома, рожала детей и ругалась со своими родителями. Мой отец делал ведерки для льда, похожие на керамические пивные кружки, и керамические пивные кружки, похожие на ведерки для льда. Он делал керамических животных, соединенных тоненькой золотой цепочкой. И он зарабатывал на этом неплохие деньги – удивительно большие деньги. Мы вполне могли бы переехать куда-нибудь на новое место, но моя мать не хотела или не могла уезжать. Тоненькая золотая цепочка связывала мою мать с ее матерью, а меня – с моей. Все наши несчастья были нанизаны на одну и ту же (быстро тускнеющую) золотую цепочку.

Конечно, у моей матери были для всего этого объяснения – патриархальные объяснения, вековые объяснения женщины, наделенной талантами и честолюбием, но раз за разом беременеющей.

– Женщины не могут делать то и другое, – говорила она, – тут нужно выбирать. Либо ты художник, либо ты рождаешь детей.

При том имени, которое мне досталось, – Айседора Зельда⁵¹ – не было никаких сомнений в том, что я должна выбрать: все те возможности, что упустила моя мать.

Ну как я могла снять колпачок и забеременеть? То, что другие женщины делали не моргнув глазом, для меня становилось важнейшим и величайшим поступком. Оно явилось бы отрицанием моего имени, моей судьбы, моей матери.

Сестры мои совсем другие. Гундра Миранда называла себя Ранди и в восемнадцать вышла замуж. Она вышла замуж за ливанского врача в Беркли, родила четырех сыновей в Калифорнии, а потом вместе с семьей переехала в Бейрут, где не остановилась и родила еще пятерых дочек. Несмотря на кажущееся непослушание – как же, воспитанная еврейская девочка с Централ-парк-уэст⁵² вышла замуж за верблюжатника, – она в Бейруте вела самую что ни на есть семейную жизнь. И чуть ли не с религиозным фанатизмом выказывала пре-

⁴⁸ Уайт, Стэнфорд (1853–1906) – американский архитектор и художник, работавший в известной архитектурной фирме «Макким, Мед энд Уайт».

⁴⁹ Фундаментальный труд шотландского антрополога Джеймса Фрэзера (1854–1941), сравнительное исследование мифологии и религии разных народов.

⁵⁰ Книга американского социолога Ларри Керстена, специалиста по вопросам семьи и брака.

⁵¹ Имеются в виду сочетание имен знаменитой танцовщицы и жены писателя Фрэнсиса Скотта Фицджеральда.

⁵² Авеню на Манхэттене, идущая с севера на юг к западу от Централ-парка.

данность трем «К» – Kinder, Küche и Kirche⁵³, в особенности католической церкви, в которую ходила, чтобы произвести впечатление на арабов своим нееврейством. Конечно, арабы не то чтобы очень любили католическую церковь, но воспринимали лучше, чем еврейство. И она, и Пьер, мой зять, верили в Роберта Ардри, Конрада Лоренца и Лайонела Тайгера⁵⁴, словно те были Иисус, Будда и Магомет. «Инстинкт! – презрительно фыркали они. – Чистый животный инстинкт!» Они возненавидели битников из Беркли времен их учебы в колледже и стали проповедовать защиту территории, безнравственность контрацепции и аборт и универсальность войны. Временами они, казалось, совершенно искренно верили в лестницу природы⁵⁵ и божественное право королей. А сами тем временем плодились себе и плодились.

«Почему люди с лучшими генами должны пользоваться контрацептивами, тогда как всякие сомнительные существа наполняют мир потомством, ведущим его к гибели?» – эту песню мы слышали каждый раз, когда Ранди сообщала нам о новой беременности.

Лала, другая средняя дочь после меня, была на четыре года моложе и вышла замуж за негра. Но, как и в случае с Ранди, необычность выбора была кажущейся. Лала поехала в Оберлин⁵⁶, где познакомилась с Робертом Годдардом, белейшим из всех самых белых негров⁵⁷ в истории этого выражения. Мой зять Боб на самом деле шоколадного цвета, но ум у него белый, как член у члена ку-клукс-клана. Насчет его члена я ничего не знаю. Как он попал в такой колледж, как Оберлин, понятия не имею. После колледжа он поступил на медицинский факультет Гарварда и быстро решил двигаться в том направлении, где водятся денежки: ортопедическая хирургия. Теперь он четыре дня в неделю вправляет ноги и вставляет новые суставы (и получает громадные деньги от страховых компаний). Три остальных дня он ездит на лошадях в эксклюзивном клубе в модном, но либеральном пригороде Бостона, где они и живут с Лалой.

А как они живут! Нет ни одного другого места, кроме «Хамахера-Шлеммера»⁵⁸, где можно увидеть столько дорогих электрических штучек: электрические дробилки для льда, кулеры для вина, прикроватные машины, воспроизводящие шум прибора, автоматические разбиватели яиц, увлажнители, автоматические коктейль-шейкеры, газонокосилки, управляемые с дистанционного пульта, машины для живых изгородей, программируемые на различную фигурную стрижку, вихревые ванны, биде с туалетной водой, зеркала для бритья с подсветкой, вылезающие из стены, цветные телевизоры, экраны которых спрятаны за копиями самых банальных современных произведений графики, и стержень, выдвигающийся из стены в прихожей, когда звонит звонок. Да, а звонок, кстати, наигрывает первые несколько нот из «Когда святые маршируют» – единственная уступка Боба негритянскому происхождению.

Мы считали, со всеми этим штучками, лошадьми и тремя машинами – по одной на каждого из них и одну для их белой южноафриканской горничной – у них времени не оставалось на то, чтобы помыслить о детях... наверное, к облегчению моих родителей. Внуки-арабы – все же другое дело, и волосы у них, по крайней мере, прямые.

⁵³ Дети, кухня, церковь (нем.).

⁵⁴ Ардри, Роберт (1908–1980) – американский драматург и сценарист, который в 1950-е годы вернулся к научным занятиям – антропологии и бихевиористике; Лоренц, Конрад (1903–1989) – австрийский зоолог, специалист по поведению животных и орнитолог, один из основателей современной этологии; Тайгер, Лайонел (р. 1937) – известный американский антрополог.

⁵⁵ Лестница природы, или *scala naturae* (лат.) – средневековая теория происхождения жизни, связывающая все организмы в единый ряд.

⁵⁶ Имеется в виду элитарный колледж свободных искусств в г. Оберлин, штат Огайо.

⁵⁷ Оксюморон «белый негр» одним из первых употребил Норман Мейлер в своем эссе с одноименным названием, представляющим собой исследование современного общества (эссе опубликовано в 1957 г.) со всеми его пороками.

⁵⁸ Сеть магазинов, торгующих всевозможными бытовыми приборами, приспособлениями, инструментами.

Мы, однако, ошибались. Лала в последние два года сидела на зачаточных таблетках, как позднее нам сообщили она и все газеты, а в прошлом году родила пятерню. Все остальное – история. Может, вы даже видели номер «Таймс» со статьей «Пятерня Годарда», там о новорожденных говорилось как о «внушительной сборной хорошеньких, кофейного цвета младенчиков».

– Ничего себе! – сказала мама Лала Юстина Годард, урожденная Уайт, двадцати четырех лет, когда ей сказали, что она родила пятерых.

Теперь у Лалы и Боба жизнь не продохнуть – сломанные кости, электрические штучки, лошади, социальный лифт и пятеро младенцев (которых они, между прочим, нарекли самыми традиционными именами, пришедшими им в голову: Тимми, Сюзи, Анни, Дженни и Джонни). Доктор Боб зарабатывает больше, чем когда-либо прежде, поскольку, похоже, родить пятерых мулатиков – наилучший способ укрепить медицинскую практику со времен открытия витамина В. Что касается Лалы, то она пишет мне раз в год, спрашивая, когда я кончу «вальять дурака с этой своей поэзией» и «сделаю что-нибудь полезное», например, рожу пятерню.

После араба Ранди, негра Лалы и моего первого мужа, считавшего себя Иисусом Христом, родители испытали облегчение, узнав о моем браке с Беннетом. Они ничего не имели против его расового происхождения, но вот его религия – психоанализ – вызывала у них сильное негодование. Они страдали от ошибочного предположения, будто Беннет может читать их мысли. Но вообще-то, когда у него был самый прозорливый, зловещий и непроницаемый вид, он обычно думал о замене масла в машине, о курином супе с лапшой на ланч или о том, чтобы сходить в сортир. Но мне никогда не удавалось убедить их в этом. Они утверждали, что он заглядывает в самые сокровенные уголки их душ и видит все их уродливые тайны, о которых они сами хотели бы забыть.

Остается только Хлоя Камилла 1948 года рождения, младше меня на шесть лет. Баловень семейства, Хлоя с ее острым умом, острым язычком и категорическим нежеланием делать что-нибудь со своими достоинствами. Пухленькая красавица Хлоя с каштановыми волосами, голубыми глазами и идеальной кожей. Только у нее из всего нашего довольно плоскогрудого семейства были по-настоящему классные сиськи. Хлоя, конечно, вышла за еврея. Но выбрала не местного, а заграничного. (Никто из нашего семейства не снизошел до соседского парня.) Муж Хлои, Абель, – израильтянин с германо-еврейскими корнями. Члены его семьи когда-то владели казино в Баден-Бадене.

И Абель, конечно, вошел в дело моего отца. В бизнес, возглавляемый бывшим катскилским комиком, он привнес уроки, выученные в школе Уортона⁵⁹. Родители мои поначалу бунтовали, а потом, поскольку доходы стали расти, приняли его. У Абеля и Хлои единственный сын, Адам, он синеглазый блондин и определенно самый любимый внук. Когда на Рождество собиралась вся семья, расселяясь по комнатам в квартире моих родителей, Адам выглядел единственным арийцем на игровой площадке, где собрались дети третьего мира.

Таким образом, я была единственной сестрой *ohne kinder*⁶⁰, и мне ни на минуту не позволяли забыть об этом. Когда Пьер и Ранди в последний раз приезжали в Нью-Йорк со своим выводком, как раз издавали мою первую книгу. В разгар одной из наших ссор по поводу чего-то совершенно идиотского и непримечательного Ранди назвала мою поэзию «онанистической и эксгибиционистской» и обвинила меня в «бесплодии».

– Ты ведешь себя так, будто писательство – самая важная вещь в мире! – воскликнула она.

⁵⁹ Элитарная бизнес-школа при Пенсильванском университете, учрежденная в 1881 году Джозефом Уортоном.

⁶⁰ Без ребенка (нем.).

Я пыталась оставаться рациональной, спокойной и аналитичной в том, что касалось моей семьи в ту неделю, а потому мучительно сдерживала копившийся во мне взрыв.

– Ранди, – взмолилась я, – я вынуждена считать, что писательство – самая важная вещь в мире, иначе я не смогу заниматься им и дальше, но ничто не обязывает тебя разделять мои убеждения, так почему же ты считаешь, что я должна разделять твои?

– Я не позволю тебе выставить меня, моего мужа и моих детей в грязной писанине – ты меня слышишь? Если ты хоть каким-то боком упомянешь там меня, я тебя убью. А если не сделаю я, то это сделает Пьер. Ты понимаешь?

Затем последовала длительная и громкоголосая дискуссия об автобиографичности и вымысле, в которой я упомянула Хемингуэя, Фицджеральда, Босуэлла⁶¹, Пруста и Джеймса Джойса, но речь не произвела на нее никакого впечатления.

– Ты вполне можешь опубликовать свои грязные книжонки посмертно, – визжала Ранди, – если в них есть хоть слово касательно какого-либо персонажа, пусть и самым отдаленным образом напоминающего меня.

– Насколько я понимаю, ты собираешься прикончить меня, чтобы ускорить издание.

– Я имею в виду посмертно – после нашей смерти, а не твоей.

– Это приглашение на казнь?⁶²

– Засунь свои литературные аллюзии себе в жопу. Ты думаешь, одна такая уж умная? Только потому что со стула не вставала – зубрила и была отличницей в школе? Только потому что ты честолубивая и якшаешься, хвост распушив, со всякими сраными интеллектуалами и жуликами? У меня писательский талант не меньше, чем у тебя, и ты это прекрасно знаешь, только я не захотела оголяться перед публикой, как ты. Я не пожелала, чтобы люди знали мои тайные фантазии. Я не такая вонючая эксгибиционистка, только и всего. А теперь выметайся отсюда в жопу! Выметайся! Ты меня слышишь?

– Этот дом, кажется, пока что принадлежит папе и Джуд, а не тебе.

– Выметайся! У меня и так из-за тебя голова раскалывается!

Прижав руки к вискам, Ранди побежала в ванную.

Это был старинный психосоматический сайд-степ. Все в моем семействе при малейшей возможности исполняют сей танец. У меня от тебя голова раскалывается! У меня от тебя несварение! У меня от тебя геморрой! У меня от тебя слуховые галлюцинации! У меня от тебя сердечный приступ! У меня от тебя рак!

Когда Ранди появилась из ванной, на лице у нее сохранялось мучительное выражение. Она взяла себя в руки. Теперь она пыталась быть терпимой.

– Я не хочу с тобой ссориться, – сказала она.

– Ха.

– Нет, правда, ты ведь по-прежнему остаешься моей маленькой сестренкой, и я правда думаю, что ты пошла по плохой дорожке! Уверена, ты должна это прекратить и родить ребеночка. Ты увидишь, полноценная семья принесет тебе гораздо больше удовлетворения, чем писательство...

– Может, этого я и боюсь.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Слушай, Ранди, может, кому-то, у кого девять детей, мои слова и могут показаться нелепостью, но я и в самом деле не чувствую тоски по детям. Я хочу сказать, что я люблю твоих детишек, детей Хлои и Лалы, но пока меня вполне устраивает моя собственная работа, и большего мне теперь не требуется. Понадобились годы, чтобы научиться сидеть за столом

⁶¹ Босуэлл, Джеймс (1740–1795) – английский юрист, мемуарист, более всего известный как биограф Сэмюэля Джонсона, знаменитого английского эссеиста, критика и лексикографа.

⁶² Имеется в виду роман В. Набокова «Приглашение на казнь».

больше двух минут подряд, мириться с одиночеством и страхом провала, отвратительной тишиной и белой бумагой. И теперь, когда я наконец научилась, когда я могу... меня переполняет желание продолжать. Господи Иисусе, не хочу, чтобы мне теперь что-то мешало! Мне столько времени потребовалось, чтобы прийти туда, где я теперь нахожусь...

– И ты что – так и собираешься провести остальную жизнь? Сидеть в комнате и писать поэзию?

– А почему бы и нет? Почему это хуже, чем родить девятерых детей?

Она посмотрела на меня с презрительным выражением.

– Что ты понимаешь в рождении детей?!

– А что ты понимаешь в писательстве?! – Я начинала ненавидеть себя за то, что говорю такие инфантильные вещи.

Разговаривая с Ранди, я всегда чувствую себя пятилетним ребенком.

– Но тебе понравится – ты только роди, – гнула свое она. – Тебе правда понравится.

– Ну хорошо, ты права. Хватит нам в нашем семействе одной Этель Кеннеди⁶³ – на кой черт нам еще одна? И зачем мне это нужно, если у меня на сей счет столько сомнений? Зачем я буду насиловать себя? Ради чьего блага? Твоего? Моего? Несуществующих детей? Я надеюсь, род человеческий не вымрет, если у меня не будет детей!

– Но неужели тебе не любопытно хотя бы попробовать?

– Может, и так... но не могу сказать, что я умираю от любопытства. И потом, у меня еще есть время...

– Тебе почти тридцать. У тебя не так уж много времени.

– Боже мой, – сказала я, – тебе просто невыносимо, если кто-то поступает не так, как ты. Почему я должна копировать твою жизнь и твои ошибки? Неужели мне даже собственных ошибок не разрешается совершить, черт возьми?

– О каких ошибках ты говоришь?

– Ну, например, о воспитании твоих детей якобы в католицизме – это обольщение собственной религии, отрицание собственных корней...

– Я тебя убью! – взвизгнула Ранди, наступая на меня с поднятыми кулаками.

Я нырнула в чуланчик в коридоре, как в детстве. Случались дни, когда Ранди меня поколачивала. Если уж у меня будут дети, то не больше одного – такой ошибки я не совершу. Считается, что быть единственным ребенком в семье – большая психологическая нагрузка, но, когда я была маленькой, я ничего не желала так, как быть единственным ребенком.

– Пьер! – услышала я визг Ранди за дверью чулана.

Я повернула защелку и дернула за шнурок лампочки. Потом почувствовала спиной соболю шубу матери, пахнущую старым «Джоем» и затхлым «Диориссимо»⁶⁴, и села под ней среди обуви, скрестив ноги. Надо мной нависали еще два ряда вешалок с пальто, ухажившие высоко к потолку. Старые шубы, детские пальто с кожаными рейтузами, лыжные куртки, дождевики, шинели, подписанные плащи наших лагерных времен, школьные куртки – на воротниках бирочки с именами и забытые ключи для затяжки коньков в карманах, вечерние бархатные куртки, парчовые куртки, двубортные пальто, норковые пальто... тридцать пять лет меняющихся мод и четыре взрослые дочери... тридцать пять лет покупок, расходов, воспитания детей и криков... и чем может похвастать моя мать? Своей собольей шубой, норковой шубой и своим негодованием?

– Айседора? – Теперь раздался голос Пьера. Он постучал в дверь.

Я сидела на полу и покачивала коленями. Вставать не было ни малейшего желания. Такой приятный запах нафталина и «Джоя».

⁶³ В семье Этель (урожденной Скейкль, 1928) и Роберта Кеннеди было 11 детей.

⁶⁴ Названия парфюмерных изделий.

– Айседора!

Нет, подумалось мне, иногда я вовсе не возражаю против ребенка. Очень умненькой и острой на язычок девочки, чтобы она стала всем тем, чем не смогла стать я. Очень независимой маленькой девочки без всяких шрамов на разуме или на душе. Без всякой подхалимской услужливости и заискивающей соблазнительности. Маленькой девочки, которая говорила бы то, что думает, и думала то, что говорит. Маленькой девочки, которая не была бы ни стервой, ни врушей, потому что она не умеет ненавидеть ни свою мать, ни себя.

– Айседора!

Но по-настоящему мне хотелось родить себя самое – маленькую девочку, какой я могла бы быть в другой семье, в другом мире. Я обняла себя за колени. Здесь, под материнской шубой, я странным образом чувствовала себя в безопасности.

– Айседора!

Ну на что я им далась – почему они пытаются укоротить меня под то ложе, в котором удобно им? Я обзаведусь ребенком, когда буду к этому готова. А если не буду готова, то и не обзаведусь. Может ли ребенок стать гарантией от одиночества или боли? И есть ли вообще такая гарантия? Если они так довольны своими жизнями, то зачем постоянно прозевают? Почему хотят, чтобы все вели себя так, как они? Что за миссионерство чертово?

– Айседора!

Почему мои сестры и моя мать словно вступили в заговор, чтобы издеваться над моими достижениями и внушать мне, будто они несут за меня ответственность? Я опубликовала книгу, которую даже я пока еще могу читать. Шесть лет сочинительства и выкидывания в мусорную корзину, сочинительства и редактирования, попыток проникнуть все глубже и глубже в самое себя. А читатели присылали мне письма и звонили посреди ночи, чтобы сказать, что я написала важную книгу, что она смелая и честная. Смелая! А я тут торчу в чулане, сижу, обхватив себя за колени! Для моей семьи я неудачница, потому что у меня нет детей. Какая нелепость! Я знала, что это нелепость. Но что-то внутри меня повторяло сию литанию. Что-то во мне извинялось перед всеми людьми, которые хвалили мои поэмы; что-то во мне говорило: «Да, но не забывайте, что у меня нет детей».

– Айседора!

Почти тридцать. Незнакомые люди иногда дают мне двадцать пять, но я уже вижу неумолимые признаки увядания, начало смерти, постепенное приготовление к небытию. На лбу появились едва заметные морщинки. Я могу разглядеть их пальцами, но они тут же возвращаются, стоит мне убрать руку. Под глазами появляется тонкая сеточка – крохотные каналы, отметки миниатюрной луны. В уголках глаз одна, две, три тонюсенькие линии, словно прочерченные пером рапидографа⁶⁵, использующего невидимые чернила. Они совершенно незаметны – разве что самому художнику. И рот стал каким-то более инерционным. Улыбка сходит с лица дольше. Словно старение в первую очередь потеря эластичности. Лицо принимает заранее установленные выражения – первое предвосхищение той жесткости, которая наступает после смерти. Нет, подбородок все еще достаточно твердый, но вот на шее разве не появилась тоненькая, почти невидимая сеточка? Грудь все еще высока, но долго ли они такими останутся? А вагина? Ну, она-то сдастся в последнюю очередь. Она долго продержится сильной, когда все остальное во мне будет уже никому не нужно.

Забавно, как, несмотря на нежелание забеременеть, я, похоже, живу в своей вагине. Участвую во всех изменениях, происходящих в моем теле. Они никогда не проходят незамеченными. Я, похоже, всегда точно знаю, когда у меня овуляция. На вторую неделю цикла я чувствую легкий щелчок, а потом какую-то щекочущую боль в нижней части живота.

⁶⁵ Рапидограф – инструмент для выполнения точных чертежных работ. Состоит из небольшой трубки и баллончика для туши.

Несколько дней спустя я нередко нахожу крохотную капельку крови на ермолке колпачка. Ярко-красная точка, единственный видимый след яйца, которое могло бы стать ребенком. На меня тогда накатывает почти неопишуемая волна печали. Печали и облегчения. Неужели и в самом деле лучше никогда не родиться? Колпачок стал для меня чем-то вроде фетиша. Священным объектом, барьером между моим чревом и мужчинами.

Меня почему-то приводит в негодование мысль о вынашивании его ребенка. Пусть он сам вынашивает своего ребенка! Если у меня будет ребенок, я хочу, чтобы он целиком принадлежал мне. Девочка вроде меня, только лучше. Несправедливым мне представляется не вынашивание детей, а вынашивание их для мужчин. Детей, которые получают фамилии мужчин. Детей, которые посредством любви привязывают тебя к мужчине, которому требуется угождать и служить, чтобы он не бросил тебя. А ведь самые сильные узы – узы любви. Узы, которые держат прочнее и дольше, чем любые другие. И тогда – все, попалась птичка. Заложница собственных чувств и собственного ребенка.

– Айседора!

Но может, я уже заложница. Заложница фантазий. Заложница страхов. Заложница ложных дефиниций. И вообще – что значит быть женщиной? Если это означает стать тем, чем стала Ранди или моя мать, то мне этого не надо. Если это означает непреходящее возмущение и чтение лекций о радостях вынашивания детей, то мне этого не надо. Гораздо лучше оставаться интеллектуальной монахиней.

Но роль интеллектуальной монахини тоже не ахти. В ней нет жизненной энергии. Но каковы альтернативы? Почему никто не показал мне, какие существуют альтернативы? Я подняла голову и потерла подбородок о подол материнской собольей шубки.

– Айседора!

– Иду-иду!

Я вышла из чулана и предстала перед Пьером.

– Извинись перед Ранди! – потребовал он.

– За что?

– За все те отвратительные гадости, что ты наговорила про меня! – завопила Ранди. – Извиняйся!

– Я только сказала, что ты отрицаешь собственные корни, а я не хочу быть похожей на тебя. За это что – нужно извиняться?

– Извиняйся! – завопила она.

– За что?

– С каких пор тебе стало не по херу, что ты еврейка? С каких пор ты набралась такой святости?

– Не набиралась я никакой святости, – заявила я.

– Тогда зачем устраиваешь по этому поводу такой шум? – сказал Пьер, переходя на свой мягчайший средне-восточно-французский акцент.

– Я не выступала в этот священный крестовый поход для умножения числа верующих – это сделала ты. Я не пытаюсь обратить тебя в какую-либо веру. Я просто пытаюсь вести тот образ жизни, который меня устраивает, если только мне удастся нащупать его в блядской неразберихе.

– Но, Айседора, – примирительным тоном сказал Пьер, – об этом-то и речь... мы пытаемся тебе помочь.

4

У черного леса

Малолетние дети неизменно уничтожались, поскольку по причине своего возраста не могли работать... Очень часто женщины прятали детей под одеждой, но, конечно, когда их находили, то посылали детей на уничтожение. От нас требовалось проводить эти акции по уничтожению втайне, но неприятный, тошнотворный запах от непрерывного сжигания тел пропитал территорию, и все люди, живущие поблизости, знали, что в Освенциме проводятся акции. Письменные показания оберштурмфюрера СС Рудольфа Гесса, 5 апреля 1946 года, Нюрнберг

ПОЕЗД 8.29 НА ФРАНКФУРТ

Европа – пыльный бархат,
вагоны первого класса
с первоклассной пылью.
А проводник
похож на розового
марципанового поросенка,
вон он гусиным шажком
идет по коридору.
FRÄULEIN!
Он произносит это с четырьмя умляутами,
и его красный, лакированной кожи
ремень через плечо щелкает,
как резинка рогатки.
А фуражка тянется все выше и выше,
как папская корона,
упирающаяся в небеса, чтобы заявить
об абсолютном авторитете,
божественном праве
проводников Bundesbahn'a⁶⁶.
FRÄULEIN!
E pericoloso sporgersi⁶⁷.
Nicht hinauslehnen⁶⁸.
Il est dangereux...⁶⁹ —
повторяют колеса.
Но я не так глуха.
Я знаю, где кончаются пути,
и поезд продолжает катиться
в тишину.

⁶⁶ Федеральной железной дороги (нем.).

⁶⁷ Высовываться опасно (ит.).

⁶⁸ Не высывайтесь (нем.).

⁶⁹ Это опасно (фр.).

Я знаю, станция
никак не обозначена.
Волосы у меня арийские —
не придерешься.
Мое имя — эрика⁷⁰.
Мой паспорт — глаза
синее баварских небес.
Но он видит
звезду Давида
в моем пупке.
Стук. Скрежет.
Я ношу ее
для последнего стриптиза.
FRÄULEIN!
Кто-то толкает меня, и я просыпаюсь.
Моя трусливая рука
чуть ли не салютует
этому сверкающему
карлику в форме.
Schönes Wetter heute⁷¹,
говорит он,
кивая
в сторону неясно видимых ферм
за окном.
Он с хрустом
компостирует мой билет, потом
его заплывшее лицо улыбается
в солнечном свете, который вдруг
проливается, нежен,
как куриный бульон.

До Гейдельберга я особо и не чувствовала себя еврейкой. Нет, кой-какие воспомина-
ния на этот счет у меня все же были: моя бабушка намыливает мне руки, приговаривая, что
смывает «фрицев» (так она называет микробов). Моя сестра Ранди устраивает игру, которая
называется «Побег от немцев», — мы надеваем самую теплую одежду, усаживаем маленькую
Хлою в детскую колясочку, готовим сэндвичи с яблочным джемом и поедаем их в пахучих
глубинах бельевого чулана, надеясь, что наших припасов хватит нам до конца войны, когда
появятся союзники. Есть и еще какое-то смутное воспоминание — моя лучшая подружка
англиканка Джилиан Баткок (в возрасте пяти лет) говорит, что не пошла бы мыться со мной
в ванну, потому что я еврейка, а евреи «всегда писают в ванну». Но в остальном мое детство
прошло довольно безоблачно.

У моих родителей друзья были всех цветов, религий и рас, как и у меня. Я, навер-
ное, выучила выражение «семья народов» еще до того, как перестала писаться в штанишки.
И хотя в доме иногда говорили на идише, пользовались им, казалось, как неким шифром,
только для того чтобы не все доверять ушам горничной. Иногда на идише говорили, чтобы
обмануть детей, но мы с нашим превосходным детским чутьем если и не всегда понимали

⁷⁰ Род полукустарников, кустарников или небольших деревьев семейства вересковых.

⁷¹ Сегодня прекрасная погода (нем.).

слова, то прекрасно улавливали смысл. В результате мы практически не знали идиша. Я должна была прочесть «Прощай, Колумб»⁷², чтобы узнать слово «штарке»⁷³, и «Волшебный бочонок»⁷⁴, чтобы услышать о газете «Форвард»⁷⁵. Мне было четырнадцать, когда я впервые оказалась на бар-мицве⁷⁶ кузена из Спринг-Вэлли, штат Нью-Йорк, моя мать тогда осталась дома из-за головной боли. Мой дед был бывшим марксистом, считавшим, что религия – опиум для народа, он запрещал моей бабушке всякие «религиозные глупости», а потом обвинял меня, когда на девятом сентиментальном десятке впал в сионизм, в том, что я «проклятая антисемитка». Я, конечно, не была антисемиткой. Просто не чувствовала себя еврейкой, а потому не могла понять, какого рожна он вдруг заговорил как Хаим Вейсман⁷⁷. Моя юность в Потогонном рабочем лагере⁷⁸, в Высшей школе музыки и искусств и в качестве практиканта-вожатого при Фонде «На свежий воздух» от газеты «Геральд трибьюн»⁷⁹ прошла в те безоблачные дни, когда старостой в старших классах неизменно избирался черный, а ярким знаком социального статуса было наличие друзей и пассий, представляющих разные расы. Не то чтобы я даже в те времена не отдавала себе отчет в лицемерии этой дискриминации наоборот, но все же внесла свой честный и искренний вклад в интеграцию. Я считала себя интернационалистом, социалистом-фабианцем, другом всего человечества, гуманистом. Меня коробило, когда я слышала невежественных еврейских шовинистов, которые говорили, что вот, мол, Маркс, Фрейд, Эйнштейн – сплошь евреи, еврейские гены и мозги превосходят все другие. Мне было ясно: если ты считаешь себя выше других, то это явное свидетельство того, что на самом деле ты ниже, а если считаешь себя выдающимся, то на самом деле ты наверняка заурядность.

На каждое Рождество с моих двух лет у нас в доме наряжалась елка. Только мы не праздновали рождение Христа, мы праздновали, как говорила моя мать, «зимнее солнцестояние». Джилиан, у которой под елкой был рождественский вертеп⁸⁰ и Вифлеемская звезда, горячо спорила со мной об этом, но я решительно вторила моей матери: «Зимнее солнцестояние было до Иисуса Христа». Бедная невежественная мать Джилиан настаивала на младенце Иисусе и непорочном зачатии.

На Пасху мы с нетерпением ждали крашенных яиц, но праздновали не воскресение Христа, а «весеннее равноденствие», возрождение жизни, ритуалы весны. Послушать мою мать, так можно решить, что мы друиды.

– Что происходит с людьми, когда они умирают? – спросила я у нее.

– На самом деле они не умирают, – ответила она. – Они возвращаются в землю, а спустя какое-то время рождаются снова. Может, в виде травы или помидоров.

Эти слова странным образом пугали меня.

Может быть, мне было бы достаточно услышать от нее просто, что на самом деле они не умирают. А тут – помидоры. Кому нужны помидоры? Неужели это моя судьба? Стать

⁷² Сборник повестей и рассказов «Прощай, Колумб» американского писателя Филипа Рота, опубликованный в 1959 г.

⁷³ Сильный, мощный (*идиш*).

⁷⁴ Собрание рассказов, опубликованное американским писателем Бернардом Маламудом в 1958 г. и в 1959 г. завоевавшее национальную книжную премию.

⁷⁵ Американско-еврейская газета, издававшаяся в Нью-Йорке; основана в 1897 г. и выходила на идише.

⁷⁶ Бар-мицва – церемония посвящения мальчиков во взрослую жизнь.

⁷⁷ Вейсман, Хаим (1874–1952) – еврейский политик, президент (1929–1946) Всемирной сионистской организации, первый президент государства Израиль.

⁷⁸ Так автор иронически называет широко известный детский трудовой лагерь Бакс-Рок в штате Коннектикут. В первый период функционирования лагеря акцент делался на фермерские и строительные работы, но после войны в конце 60-х годов переместился на креативную деятельность.

⁷⁹ Нью-Йоркская газета «Геральд трибьюн» организовывала сбор пожертвований для отправки летом детей из необеспеченных семей за город.

⁸⁰ Модель пещеры с Богородицей и новорожденным Иисусом.

мягким помидором, начиненным семенами? Но нравилось мне или нет, а другой религии у меня не было. На самом деле мы не были евреями. Мы были язычниками и пантеистами. Мы верили в реинкарнацию, в души помидоров, даже – и это в 1940-х – в экологию. И вот, несмотря на все, я начала себя чувствовать абсолютной еврейкой и абсолютным параноиком – может, это одно и то же? – в тот момент, когда моя нога ступила на немецкую землю.

Внезапно выяснилось, что люди в автобусах едут домой, туда, где их ждут драгоценные маленькие коллекции золотых зубов и обручальных колец... Абажуры в отеле «Европа» подозрительно тонки... У мыла в туалете «Силбернер хирш» странноватый запах... Безукоризненные железнодорожные поезда оказывались тесными и вонючими вагонами для перевозки скота... Проводник с розовым марципановым поросычьим лицом не выпускал меня из вагона... Начальник станции в нацистской фуражке с высокой тульей под каким-то предлогом хотел проверить мои документы и передать одному из полицейских в зеленых плащах и черных кожаных сапогах с такой же плеткой... Таможенный чиновник на границе явно собирался задержать меня, обнаружить припрятанные болеутоляющее, серные таблетки, витамин и либриум из армейского госпиталя, обычный запас для путешествующих в Италию, и отправить в тайную пещеру в Альпах, где меня подвергнут жестокой, невероятной пытке, пока я не признаюсь, что за моим язычеством, пантеизмом и дотошным знанием английской поэзии скрывается такая же стопроцентная еврейка, как Анна Франк.

С учетом исторических перспектив совершенно ясно, что мы с Беннетом обязаны своим пребыванием в Гейдельберге, и если уж на то пошло, то и нашим браком, очковтирательству, к которому прибегло правительство в отношении американской общественности и которое впоследствии обнаружилось в бумагах Пентагона. Иными словами, наша женитьба стала прямым следствием призыва Беннета на военную службу, а призыв его стал прямым следствием наращивания в 1965–1966 годах военного контингента во Вьетнаме – последствие очковтирательства, к которому прибегло американское правительство в отношении общественности. Но кто мог знать об этом в то время? Подозрения у нас были, но доказательств – никаких. Мы читали иронические заголовки в газетах, обещавшие, что наращивание сил должно «положить конец затянувшемуся миру». У нас появились замечательные остроты, вроде: «Эту деревню требовалось уничтожить, чтобы ее спасти...» У нас появились активисты, не уступавшие в своем красноречии тем, кто пришел позднее. У нас не было доказательств в виде написанного черным по белому текста на первой странице «Таймса».

И вот Беннет, детский психиатр, успевший прослушать половину курса психоанализа, в возрасте тридцати одного года призван в армию. Мы знали друг друга три месяца. Мы встретились после неудачных романов, а с моей стороны имелся даже не роман, а кошмарный брак. Мы устали от одиночества; мы были счастливы, оказавшись друг с другом в постели; мы оба боялись будущего; мы поженились, а на следующий день Беннету пришлось отправляться в Форт-Сэм-Хьюстон⁸¹.

С самого начала наш брак казался странным. Мы оба ждали спасения. Оба цеплялись друг за друга и вместе шли на дно. Прошло всего несколько дней, и наши отношения стали враждебными. Мы быстро переходили от словесных нападок к полному молчанию, которое было тем страннее, что сексуальные отношения продолжались и, как это ни удивительно, были вполне удовлетворительными. Никто из нас не понимал, во что мы ввязались или зачем.

До приезда в Гейдельберг обстановка двух наших первых месяцев супружества была не менее странной, чем причина, по которой мы поженились. Мы – два ошалевших от страха манхэттенца, пересаженных из родной почвы в Сан-Антонио, штат Техас. Беннета постригли наголо, засунули в зеленую армейскую форму, заставляли высиживать многоча-

⁸¹ Американская военная база в Сан-Антонио, штат Техас.

совые пропагандистские лекции, имевшие целью сделать из него армейского врача – да ему одна эта мысль казалась совершенно невыносимой.

Я оставалась «дома» – в унылом мотеле рядом с Сан-Антонио, смотрела телевизор, кропала свои стишки, пребывала в состоянии бессильного бешенства. Как и большинство нью-йоркских девушек, я никогда не училась водить машину, и вот в двадцать четыре года оказалась в техасском мотеле перед выжженной полосой хайвея, соединяющего Сан-Антонио и Остин. Я спала до половины одиннадцатого, просыпалась и, смотря телевизор, тщательно красила физиономию неизвестно для кого, потом спускалась по лестнице и съедала блинчики по-техасски, сосиски и овсянку, потом надевала купальник, который сидел на мне все больше в обтяжку, и часа два загорала. Потом пять минут плавала в бассейне, после чего поднималась к себе, чтобы засесть за «работу». Но оказалось, что работать я практически не могу. Одиночество перед листом бумаги наводило на меня ужас. Я хваталась за любой предлог, чтобы удрать. Я не чувствовала себя писателем и не верила в свою способность писать. Я тогда не помнила, что писала всю жизнь. Я начала сочинять и иллюстрировать маленькие рассказы с восьми лет. С десяти лет я вела дневник. С тринадцати лет стала ненасытным и ироничным автором писем и сознательно всю свою юность подражала письмам Китса и Джорджа Бернарда Шоу. В семнадцать, поехав с родителями и сестрами в Японию, потащила с собой портативную «оливетти» и каждый день тюкала по клавишам, записывая дневные впечатления на листы, выдираемые из отрывного блокнота. На старших курсах колледжа, где я завоевала большинство поэтических премий и редактировала литературные журналы, начала печатать свои стихотворения в литературных журналах. Но, несмотря на тот очевидный факт, что я была одержима писательством, невзирая на публикации и на письма от литературных агентов, спрашивающих, «не работаю ли я над романом», я на самом деле не верила в серьезность призвания.

Я спокойно позволила себе переместиться на запасной путь – в аспирантуру. Аспирантура считалась безопасным местом. Если ты всерьез желаешь заняться литературой, то нужно иметь за плечами аспирантуру (как и ребенка?). Теперь я прекрасно понимаю, какая это была глупость! Но в те времена такой подход представлялся благоразумным, осмысленным и ответственным. Я была такой положительной девочкой, что мои преподаватели всегда заманивали меня диссертацией. Мне жутко хотелось послать их куда подальше, но не хватило твердости духа, а потому я потратила полтора года на получение звания магистра и уже стала подбираться к докторской, но тут мне пришло в голову, что аспирантура серьезно мешает моему образованию.

Выйдя за Беннета, я ушла из аспирантуры. Взяла академический отпуск и поехала за ним в армию. А что еще оставалось сделать? Не то чтобы я хотела отказаться от диссертации, просто сама История дала мне ногой под зад. Выйдя за Беннета, я уезжала из Нью-Йорка и от моей матери, а еще от аспирантуры Колумбийского университета, от моего бывшего мужа, от моих бывших любовников, которые перемешались у меня в голове и стали неотличимы один от другого. Я хотела бросить все это. Я хотела бежать. А средством явился Беннет. Наш брак начался под тяжелым гнетом. И то, что он выжил, это просто чудо.

В Гейдельберге мы обзавелись домом в громадном американском концентрационном лагере в послевоенной части города, ничуть не похожей на прекрасную старую часть около Гейдельбергского замка⁸², куда водят туристов. Нашими соседями были главным образом армейские капитаны и их «иждивенцы». С несколькими примечательными исключениями они оказались самыми тактичными людьми, рядом с какими мне доводилось жить. Когда вы приезжали, жены угощали вас кофе. Дети вели себя до безумия доброжелательно и вежливо. Мужья галантно приходили к вам на помощь, если вы завязали в сугробе на своей машине

⁸² Одна из знаменитейших достопримечательностей Германии, символ города Гейдельберга.

или тащили наверх тяжелые коробки. Все это тем более удивляло, когда вы слышали от них, что жизнь азиатов ничего не стоит, что США должны разбомбить Вьетконг⁸³ к чертовой матери и, наконец, что от солдат требуется выполнение приказа, а не участие в политических дискуссиях. Мы с Беннетом были для них существами из другого мира, впрочем, мы и сами себя таковыми чувствовали.

Через улицу жили другие наши соседи – немцы. В 1945 году, когда они все еще оставались милитаристами, они ненавидели американцев, победивших в войне. Теперь, в 1966 году, немцы стали пацифистами, по крайней мере, если речь шла о других народах, и ненавидели американцев за то, что те воюют во Вьетнаме. Иронические смыслы множились с такой скоростью, что вы не успевали их впитывать. Если Сан-Антонио был странным, то Гейдельберг выглядел в тысячу раз страннее. Мы жили между двумя рядами врагов, и оба были несчастны еще и оттого, что враждовали друг с другом.

Я до сих пор закрываю глаза и вижу обеденный час в Марк-Твен-Виллидже в Гейдельберге. Запах телевизионных обедов в коридорах. Радиосеть вооруженных сил выкрикивает результаты футбольных матчей и число, всегда завышенное, убитых вьетконговцев на другом конце света. Детские крики. Двадцатипятилетние веснушчатые матроны из Канзаса разгуливают в халатах и в бигуди в ожидании вечера, когда для Золушки найдутся резоны причесать кудряшки. Этот вечер никогда не приходит. Вместо него приходят коммивояжеры – они поднимаются на крыльцо, звонят в дверь, продают все, начиная от паевых фондов и иллюстрированных энциклопедий с упрощенным словарем до восточных ковров. Кроме отбившихся от дома американцев, британских люмпенов и приторговывающих пакистанских студентов есть и неподдельный бундесвер карликовых немцев, продающий навывнос всё – от «расписанных вручную» холстов, изображающих приторные Альпы под слащавыми закатами, пивных кружек, наигрывающих «Господь, благослови Америку», до часов с кукушкой из Шварцвальда⁸⁴ с непрерывным звоном. И военные покупают, покупают и покупают. Жены покупают, чтобы заполнить свои пустые жизни, создать иллюзию дома в унылом пейзаже, размазать по свету американские деньги. Детишки покупают каски, военные игрушки и детскую одежду хаки, чтобы играть в любимую игру – вьетконговцы против зеленых беретов – и готовиться к будущему. Мужья покупают инструмент с электроприводом, компенсируя чувство собственного бессилия. Все покупают часы, словно намекая на то, как армия растакивает их жизни.

Кто-то пустил слух по Марк-Твен-Виллиджу, что дома, в нашей Большой гарнизонной лавочке⁸⁵, на немецких часах можно сделать состояние, а потому каждый капитан, сержант или первый лейтенант считал своим долгом привезти домой не меньше тридцати штук. Он собирал эти часы в течение двух лет, вешал их у себя на стенах, где они звонили, куковали через неравные промежутки времени, доводя до безумия его жену и детей в такой же мере, в какой армия доводила до безумия его самого. А поскольку стены в тех домах строились толщиной с бумажный лист, то даже бескукушечные обитатели вроде нас целый день напролет слышали непрерывный хор кукушек. Если не кукушки, то какой-нибудь соседский детеныш, которому медведь наступил на ухо, играл неиграемый «Звездный флаг»⁸⁶ на органе Хаммонда⁸⁷, зачастую купленном в кредит, так что только слушать его было тяжело.

⁸³ Военно-политическая организация в Южном Вьетнаме в 1960–1977 годах, являвшаяся одной из воюющих сторон во Вьетнамской войне.

⁸⁴ Шварцвальд (нем. Schwarzwald – «черный лес») – горный массив в федеральной земле Баден-Вюртемберг на юго-западе Германии.

⁸⁵ Жаргонное название США в войсках, дислоцированных за рубежами страны, – the land of the big PC.

⁸⁶ Национальный гимн США.

⁸⁷ Орган Хаммонда – электрический орган, который был спроектирован и построен Лоренсом Хаммондом в апреле 1935 года. Широкую популярность орган Хаммонда обрел в военных ансамблях во время Второй мировой войны и в

Или какой-нибудь уорент-офицер звал через весь двор своих детей, к примеру, близнецов по имени Уэйн и Дуэйн, имевших и другое название – «бандиты». Когда меня не приводило в бешенство кукование, я размышляла над символикой часов. Каждый человек в армии всегда считал дни и минуты: до ротации еще восемь месяцев, три месяца до отправки твоего мужа во Вьетнам, два года до твоего следующего повышения, через три месяца ты сможешь вызвать жену и детей... Кукушки регистрировали каждую минуту каждого часа на долгом пути к забвению.

Если не считать того, что у нас не было часов, наше жилище ничем не отличалось от жилищ других молодых офицеров гарнизона. Мебель типичная послевоенная немецкая – отвратительная, громадная; эту мебель американцы получали от Германии в качестве репараций. Нет сомнений, в отместку ее делали еще уродливее, чем обычно. Начать с того, что она тошнотворного бежевого цвета, который по прошествии двадцати лет употребления и в хвост и в гриву стал грязноватым, в пятнах, заляпанным, превратился в крапчатый желтоватый, напоминающий цвет мочи, на ней оставили метки домашние животные, дети и утренняя похмельная рвота после чрезмерного потребления пива. Мы сделали все, что было в наших силах, чтобы скрыть эти слоновьи диваны и бегемотские стулья под яркими покрывалами, подушками, ковриками. Мы укрыли стены постерами, а на подоконники поставили цветы.

Мы заполнили полки по большей части нашими собственными книгами, доставленными сюда за огромные деньги за счет правительства. Но атмосфера в жилище все равно оставалась гнетущая. Да и сам Гейдельберг выглядел уныло. Красивый город, в котором десять месяцев в году шел дождь. Солнце целыми днями борется с тучами, прорывается на час-другой, а потом снова отступает. Мы жили в своего рода тюрьме. В духовном и интеллектуальном гетто, которое в буквальном смысле не могли оставить, не попав в тюрьму.

Беннет потерялся в армии и в собственной депрессии. Мне он никакой помощи не мог предложить. Как и я ему. Я в одиночестве бродила под дождем по улочкам старого города. Часами шлялась по магазинам, трогая товары, которые ни за что бы не купила, грезила наяву в толпе, ловила длинные разговоры, из которых поначалу понимала лишь отдельные слова, слушала крики уличных торговцев, расхваливающих преимущества растягивающихся париков, фальшивых ногтей, столовых приборов, мясорубок, мельниц... «Meine Damen und Herren...» – начинали они, и каждое длинное предложение содержало это обращение. По прошествии некоторого времени слова начинают звучать у тебя в ушах.

Все эти дамочки с фигурами-тыквами выстраивались вокруг меня, образуя серую стену из грубой материи. Германия наводнена сонмами облаченных в серое дамочек в тирольских шляпках, удобных туфлях, с двойными подбородками, пунцовыми от проступающих капилляров. С близкого расстояния их щеки кажутся иссеченными кружевом крохотных фейерверков, словно запечатленных на фотографии в момент взрыва. Эти дюжие вдовушки повсюду, они тащат авоськи с торчащими наружу бананами, катят, широкозадые, на узеньких велосипедных сиденьях, садятся в исхлестанные дождем поезда, направляющиеся из Мюнхена в Гамбург, из Нюрнберга во Фрейбург. Планета вдов. Окончательное решение, обещанное нацистской мечтой: чистый арийский мир без мужчин.

Иногда бесцельно бродя по улицам, сидя в трамвае, заглядывая в бар, чтобы выпить пива с солеными крендельками, или в Konditorei за Kaffee und Kuchen⁸⁸, я чувствовала себя призраком еврея, убитого в концентрационном лагере в день моего рождения. А кто мог сказать, что это не так? Я изобретала сложные сюжеты, обманывая себя, будто это всего

послевоенные годы.

⁸⁸ В кондитерскую за кофе с пирожным (нем.).

лишь сюрреалистические истории, которые я собираюсь написать. Но это были больше чем истории, и я ничего не писала. Временами казалось, что я схожу с ума.

Впервые в жизни меня смертельно заинтересовала история евреев и история Третьего рейха. Я обратилась в Информационную службу США, как иначе называлась Библиотека специальных служб, и начала читать книги, описывающие ужасы депортации и лагерей смерти. Я читала об Einsatzgruppen⁸⁹ и представляла себе, как копаю собственную могилу и стою на краю ямы, прижимая к себе ребенка, пока нацистские офицеры готовят пулеметы. Я воображала крики ужаса и звуки падающих тел. Я воображала, что меня ранят и я скатываюсь в яму, где в предсмертных судорогах дергаются тела, а потом сверху меня закидывают землей. Как прежде я могла протестовать против еврейства, заявляя, что являюсь пантеистом? Как я могла поклоняться зимнему солнцестоянию и ритуалам весны? С точки зрения нацистов, я такая же еврейка, как и все остальные, убитые ими. Неужели я вернусь в землю и стану цветком или плодом? Неужели именно так произошло с душами евреев, убитых в день моего рождения?

В редкие солнечные дни я шлялась по рынкам. Немецкие фруктовые рынки очаровывали дьявольской красотой. За старой церковью Святого Духа на городской площади семнадцатого века расположился субботний рынок. Площадь заполнена прилавками с красными и белыми навесами и горами фруктов, истекающих соками, словно человеческой кровью. Малина, клубника, алые сливы, голубика. Горы роз и пионов. Все цвета крови, сочащейся в деревянные короба, а из них на деревянные прилавки. Может быть, в них переселились души еврейских детей, убитых во время войны? Может быть, поэтому тревожила меня страсть немцев к садоводству? Столько почтения к таинству жизни, только не по тому адресу. Столько любви, направленной на выращивание плодов, цветов и животных. «Но мы ничего не знали о том, что происходит с евреями, – снова и снова повторяли немцы. – В газетах об этом не писали. И так продолжалось только двенадцать лет».

Я в какой-то мере верила им. И в какой-то мере понимала. И хотела бы увидеть, как они умирают медленной, мучительной смертью. И вот эта кровавая красота рынков – древние старухи, взвешивающие свои кровоточащие плоды, упитанные светловолосые *fräulein*, пересчитывающие розы, – неизменно пробуждала во мне ненависть к Германии.

Позднее я смогла написать об этом и частично изгнать из себя демонов. Позднее смогла подружиться с немцами и даже нашла в их языке и поэзии много приятного. Но в тот первый год одиночества писать я не могла, и друзей у меня было мало. Я жила как отшельник – читала, бродила, воображала, как моя душа покидает тело, в котором поселяется душа кого-то, умершего вместо меня.

Я изучала Гейдельберг, как шпион, находила приметы Третьего рейха, которые намеренно не упоминались в туристических справочниках. Нашла место, где прежде стояла синагога, теперь сожженная. Научившись водить машину, смогла распространить исследования на более отдаленные уголки, где нашла заброшенную железнодорожную ветку и старый товарный вагон, по стенке которого было написано: «REICHSBahn». На всех сверкающих новизной вагонах было написано: «BUNDESBahn». Я чувствовала себя как те фанатичные израильтяне, которые отслеживают нацистов в Аргентине. Только я отслеживала собственное прошлое, мое собственное еврейство, в которое прежде не верила.

Думаю, больше всего меня выводило из себя то, как немцы изменили свою защитную окраску, как они говорили теперь о мире и гуманизме, как утверждали, что все до одного сражались на Восточном фронте. Меня бесило их лицемерие. Если бы они открыто говорили: «Да, мы любили Гитлера», то можно было бы сопоставить гуманизм с их честностью

⁸⁹ Специальных группах (нем.).

и, не исключено, – простить. За три года, прожитых в Германии, я встретила только одного человека, который признался в этом. Он был бывшим нацистом и стал моим другом.

У Хорста Гюммеля имелся печатный бизнес, а размещался он в маленьком офисе в старом городе. На его столе высились кипы книг, бумаг и всякого мусора, и он вечно разговаривал по телефону или выкрикивал указания трем трясущимся от страха работающим на него *Assistenten*⁹⁰. При пяти футах росту у него отросло изрядное брюшко, он носил сильные очки с желтоватыми стеклами, которые лишь подчеркивали синяки под глазами. Познакомившись с ним, Беннет стал его называть не иначе как гном. По большей части герр Гюммель неплохо говорил по-английски, но иногда делал ошибки, которые сводили на нет всю его предшествующую языковую резвость. Как-то раз, когда я сказала ему, что мне пора домой готовить обед Беннету, он сказал: «Если ваш Mann⁹¹ голоден, то вы должны идти домой и приготовить его».

Гюммель печатал что угодно – от меню для ресторанов и рекламных брошюр до информационного бюллетеня Клуба гейдельбергских офицерских жен – глянцевого четырехстраничного таблоид со множеством типографских ошибок и всякой брехней об офицерских женах с фотографиями армейских матрон в шляпках с цветочками, сиреневых корсетах и маленьких очках из горного хрусталя. Они вечно получали друг от друга награды за разного рода общественные деяния.

Ради собственного удовольствия Гюммель издавал еще и еженедельную брошюру под названием «Heidelberg Alt und Neu»⁹². Печатались там главным образом рекламные объявления ресторанов и отелей, расписания поездов, программы кинотеатров и все в таком роде. Но иногда Гюммель, который, будучи военным корреспондентом во время войны, освещал битву при Анцио⁹³, писал передовицу, посвященную каким-нибудь городским проблемам, а изредка смеха ради брал интервью у какого-нибудь городского деятеля или гостя.

После года охоты за нацистами в Гейдельберге и нескольких странных работ, что я поменяла, – все они способствовали усилению моей депрессии – я познакомилась с Гюммелем, который попросил меня стать его «американским редактором» и помочь ему завоевывать новых англоязычных читателей для «Heidelberg Alt und Neu». Идея состояла в том, чтобы привлечь их колонкой, посвященной туристическим достопримечательностям, а потом продать изделия рекламодателей – фарфор Розенталя, фигурки Гюммеля (однофамильца, а не родственника), всякие приспособления для дома, местные вина и пиво. Я должна была еженедельно писать колонку за 25 дойчмарок, или семь долларов, а Гюммель брал на себя труд обеспечивать фотографии и переводить текст на немецкий для обложки. Я могла писать почти обо всем, что меня интересовало. О чем угодно. И я, конечно, согласилась на эту работу.

Поначалу писала на «безопасные» темы – руины замков, винные фестивали, исторические рестораны, всякую всячину об истории Гейдельберга и анекдоты о нем. Я пользовалась этой колонкой, чтобы учиться, я пользовалась ею, чтобы проникать в такие места, каких иначе не увидела бы. Иногда я писала в сатирическом ключе, выдумывая события, каких не было, например Неделю немецко-американской дружбы или карнавал на Сырную седмицу в ратуше. Иногда писала рецензии на выставки и оперные постановки, диспуты об архитектуре и музыке, рассказы о посещении Гейдельберга знаменитостями вроде Гете или Марка Твена.

⁹⁰ Помощникам (нем.).

⁹¹ Муж (нем.).

⁹² «Гейдельберг старый и новый» (нем.).

⁹³ Одно из сражений Второй мировой войны в 50 км к югу от Рима.

Я узнала много интересного о городе, набралась всяких разговорных выражений, стала знаменитостью средней руки в городе и на армейских постах, сытно обедала в гейдельбергских ресторанах, которые были заинтересованы в рекламе. Но между сдержанными остроумными колонками о радостях Гейдельберга и моим истинным отношением к Германии существовала огромная диспропорция. Постепенно я смелела и смогла привести в некоторое хрупкое соответствие мои чувства и писанину. То, чему я научилась на этих колонках, предвосхищало уроки, которые я получила, занявшись «серьезным сочинительством». Начинала я как автор остроумный, поверхностный и нечестный. Постепенно стала смелее, перестала маскироваться. Колонка за колонкой я по частям снимала с себя маски: ироническую маску, маску остроумца, маску псевдоискусственности, маску безразличия.

В поисках призраков я обнаружила самый основательный из них – нацистский амфитеатр, расположившийся в горах над Гейдельбергом. Поездки туда стали для меня настоящим наваждением. Никто в Гейдельберге, казалось, не признавал существования этого места, отчего амфитеатр приобретал дополнительную притягательность. Может быть, он и существовал только у меня в голове. Я снова и снова возвращалась туда.

Построен он был в 1934–1935 годах Молодежным трудовым корпусом. Я могла себе представить их: светловолосые, голые по пояс, распевające «Deutschland über Alles» – они поднимают глыбы розового песчаника в долине Неккара⁹⁴, а розовощекие рейнские девы подносят им кружки с пивом цвета мочи. Амфитеатр располагался в центре Хайлигенберга, что означает Святая гора, где, по легенде, когда-то было святилище Одина. Я добиралась до амфитеатра, пересекая по мосту реку в направлении из старого города, ехала по широкой улице, ведущей на окраину, а потом наверх к Святой горе, следуя указателю к руинам базилики Святого Михаила. Этот амфитеатр самым подлым образом никак не рекламировался. Дорога вилась, поднимаясь вверх по лесу, солнечный свет проникал сквозь кроны черно-зеленых сосен, и я становилась Гретель в пыхтящем, недовольном «фольксвагене», только никто следом за мной не рассыпал хлебных крошек⁹⁵.

Я поднималась все выше в горы, думая о жестоких немецких сказках про маленьких испуганных девочек в темной чаще, а двигатель начинал глохнуть на третьей передаче. Боясь скатиться вниз по горе, я включала вторую, но двигатель опять глох. В конечном счете приходилось подниматься с черепашьей скоростью на первой.

На вершине Хайлигенберга располагалась небольшая башня, построенная из красного песчаника, на вершину которой вели затертые, поросшие мхом ступеньки. Я пробиралась наверх по скользкой лестнице, чтобы оттуда окинуть взглядом город, и видела отливающую серебром реку, пестрый лес, розоватую громаду замка. Почему хроникеры Третьего рейха говорят о Германии все, кроме того, что она красива? Может быть, им претила эта нравственная двусмысленность? Красота пейзажа и уродство людей. По силам ли нам такая ирония?

Спустившись с башни, я уходила в лес мимо ресторанчика под названием Waldschenke («лесная таверна») – летом здесь широкозадые бюргеры попивали пиво за столиками перед рестораном, а зимой – подогретое вино внутри. Там мне приходилось оставлять машину и идти дальше пешком по лесу, под ногами хрустели листья, наверху шелестели сосны, солнце едва проникало вниз. Поскольку ряды сидений врезаны в склон горы, входить в амфитеатр приходилось сверху. Внезапно у тебя под ногами оказывался театр – ряд за рядом поросших сорняками сидений, замусоренных битым стеклом, презервативами, конфетными обертками. В основании находился язык сцены, по краям которого стояли флагштоки для свастики и немецкого орла. По обеим сторонам входы для выступающих, где стояли охранники в коричневых рубашках.

⁹⁴ Неккар – приток Рейна.

⁹⁵ Отсылка к сказке братьев Гримм «Гензель и Гретель».

Но самым удивительным был ландшафт – гигантская, поросшая вокруг соснами чаша, поместившаяся среди неземной тишины сказочного леса. Это священная земля. Сначала почитали Одина, потом Христа, потом Гитлера. Я быстро спускалась между рядов сидений и останавливалась в центре сцены, откуда декламировала собственные стихи аудитории.

Однажды я сказала Хорсту, что хочу написать об амфитеатре.

– Зачем? – спросил он.

– Потому что все делают вид, будто его там нет.

– Вы думаете, подобное основание достаточно?

– Да.

Я отправилась в Гейдельбергскую библиотеку и начала просматривать подряд все путеводители. Большинство из них на одно лицо – с глянцевыми фотографиями Schloss⁹⁶ и старыми гравюрами толстомордых рейнских пфальцграфов⁹⁷. Наконец мне попался путеводитель, переплетенный в библиотеке, с английским и немецким текстами на разворотах, с желтеющей дешевой бумагой, черно-белыми фотографиями и старым готическим шрифтом. Издан путеводитель был в 1937 году, и через каждый десяток страниц абзац, фотография или небольшой текстовый блок кто-то заклеил бумагой. Эти бумажные квадратики оказались прилеплены так надежно, что не удавалось отодрать даже хотя бы уголок, но как только я увидела эти заплатки, тут же поняла – не успокоюсь, пока их не отклею и не узнаю их тайну.

Я взяла книгу с собой вместе с четырьмя другими, чтобы библиотекаряша ничего не заподозрила, и понеслась домой, где поставила на горелку чайник и принялась отклеивать заплатку в пару из носика.

Интересно узнать, что цензор счел необходимым подвергнуть цензуре.

Фотография амфитеатра во всем его величии: на ветру полощутся флаги, руки взлетают в нацистском приветствии, сотни маленьких световых точек, представляющих арийские головы или, может быть, арийские мозги.

Пассаж, описывающий амфитеатр как «одно из монументальных сооружений Третьего рейха, испалинский [так] театр на открытом воздухе, имеющий целью объединить соотечественников-германцев в праздничные и торжественные часы в общем настроении преданности фатерланду и подчинения природе».

Абзац, описывающий ныне разбитый и тряский Autobahn Гейдельберг – Франкфурт как «испалинское [так] и монументальное творение Нового века, обещающего так много».

Абзац, описывающий Германию как «страну, к которой благосклонны боги, страну, стоящую в первых рядах среди великих и сильных держав...»

Фотография главного зала университета со свастиками, свисающими с каждой готической арки...

Фотография mensa⁹⁸ со свастиками, свисающими с каждой римской арки.

И так далее на протяжении всей книги.

⁹⁶ Замка (нем.).

⁹⁷ Рейнские пфальцграфы – знатнейшие имперские князья Германии с XI века.

⁹⁸ Студенческой столовой (нем.).

Я впала в приступ бешенства и нравственного негодования. Села за свой стол и нацарапала свирепую колонку о честности, бесчестии и всемогущей истории. Я взывала к истинам, которые превыше красоты, к истории, которая превыше красоты, и честности, которая превыше всего. Я кипела, брызгала слюной и фонтанировала эмоциями. Указывала на оскорбительные заплатки в путеводителе как на пример всего, способного вызывать омерзение в жизни и искусстве. Они как викторианские фиговые листики на греческих скульптурах, как одежды девятнадцатого века, намалеванные на эротических фресках кватроченто. Я вспомнила и о том, как Рёскин сжег картины Тернера⁹⁹, изображающие венецианские бордели, и то, как правнуки Босуэлла¹⁰⁰ старались замарать наиболее непристойные пассажи в его дневниках, и сравнила это с тем, как немцы пытаются отрицать собственную историю. Такие грехи забвения! Но подобное бессмысленно! Ничто человеческое не должно отрицаться. Даже если оно невыразимо уродливо, мы и тогда могли бы извлечь из этого урок. Разве нет? Для меня тут сомнений нет. Истина освободит нас.

На следующее утро я в ярости натюкала двумя пальцами заметку и понеслась в город к Хорсту. Оставив бумажку, я тут же ушла. Три часа спустя он позвонил мне.

– Вы и вправду хотите, чтобы я перевел текст? – спросил он.

– Да, – сказала я и, вспыхнув от бешенства, принялась напоминать ему, что он обещал обходиться с моими текстами без цензуры.

– Я сдержу слово, – сказал он, – но вы молоды и не понимаете немцев.

– Что значит – не понимаю?

– Немцы любили Гитлера, – тихо сказал он. – Если бы они были честны, то вам не понравились бы их слова. Двадцать пять лет они лгали. Они никогда не оплакивали своих мертвецов и никогда не оплакивали Гитлера. Они чувства прятали в сундуках. Пусть они сами и не понимали собственных чувств. Если бы они были честными, то вам это не понравилось бы больше, чем лицемерие.

Потом он начал мне рассказывать, что значило быть корреспондентом во времена Гитлера. Квазивоенная должность, и все новости цензурировались сверху. Журналисты знали много всего, держащегося в тайне от публики, и соглашались скрывать эти сведения. Они знали о концентрационных лагерях и депортациях. Они знали, но продолжали участвовать в пропаганде.

– Но как можно поступать так? – закричала я.

– А как мы могли не повиноваться?

– Вы могли бы покинуть Германию, присоединиться к Сопротивлению, вы могли бы сделать хоть что-нибудь!

– Но я не родился героем и не хотел становиться беженцем. Журналистика осталась моей профессией.

– И что?!

– Я только хочу сказать, большинство людей не герои и большинство людей нечестны. Я не хочу сказать, что мы хорошие и достойны восхищения. Я только сообщаю, что я такой же, как и большинство людей.

– Но почему? – завопила я.

– Потому что так оно и есть, – подвел итог он. – И объяснять тут нечего.

⁹⁹ Рёскин, Джон (1819–1900) – влиятельный английский теоретик искусства, известен также как литературный критик и поэт; Тернер, Джозеф (1775–1851) – английский художник-романтик, считается одним из основателей импрессионизма. До 2005 года считалось, что Рёскин сжег несколько эротических полотен Тернера, чтобы защитить его репутацию. Однако в 2005 г. эти картины были обнаружены.

¹⁰⁰ Босуэлл оставил дневники, в которых описывал свои встречи и беседы со знаменитыми современниками, среди которых были актер Дэвид Гаррик, художник Джошуа Рейнольдс, писатель Оливер Голдсмит.

Ответа у меня не было, и Хорст это понимал. Я стала спрашивать себя: может, и я ничем не отличаюсь от большинства людей? Проявила бы я больше героизма, чем он? Думала о том, сколько времени мне понадобилось, чтобы прекратить сочинять умные колонки о разрушенных замках, аккуратные маленькие сонеты о солнечных закатах, птицах и фонтанах. Я оказалась бесчестной и без фашизма. Даже без фашизма я подвергала себя цензуре. Не позволяла себе писать о том, что меня действительно трогало: о моих неприязненных чувствах к Германии, о моем браке, не принесшем счастья, о сексуальных фантазиях, о моем детстве, о негативном отношении к родителям. Собственно, и без фашизма быть честной дьявольски трудно. Даже без фашизма я наклеивала заплатки на определенные области своей жизни и упрямо отказывалась смотреть на них. И тогда я решила, что не буду лицемерить по отношению к Хорсту, пока не научусь быть честной с собой самой. Может быть, наши грехи забвения не равновелики, но импульс в обоих случаях одинаковый. Пока я не смогу представить в письменном виде доказательства собственной честности, какое право имею злиться на его бесчестность?

Статья вышла в том виде, в каком я ее написала. Хорст сделал точный перевод. Я думала, Гейдельберг взорвется, как вулкан, но писатели сильно преувеличивают важность своих трудов. Ничего не случилось. Несколько знакомых сделали иронические замечания касательно моей склонности принимать все близко к сердцу. И больше ничего. Я спрашивала себя, а читает ли кто-нибудь «Heidelberg Alt und Neu». Может, его никто и не читал. Мои колонки уподобились отправке писем во время забастовки почтовиков или ведению тайного дневника. Я думала, поднимется страшный шум, но никто даже глазом не моргнул. Весь этот Sturm und Drang¹⁰¹ закончился пшиком. Все равно что печатать стихи.

¹⁰¹ «Штурм и натиск» (нем.) – движение в немецкой литературе и музыке в конце XVIII века, возникло как протест против рационалистических ограничений, накладывавшихся на искусство Просвещением.

5

Будни и блудни конгресса сновидений

Меня зовут Айседора.

Я сажусь в самолет, чтобы лететь.

Национальные авиалинии

Председательствует на заседании доктор Гудлав. В сыром подвале университета, в амфитеатре без окон, с грохочущими деревянными креслами Адриан, напавший на себя официальную английскую вежливость и ту же дырявую рубаху, четко выговаривает слоги английские слушателям многоязычным, рассеявшимся здесь и там в зале.

Он выглядит как Христос на Тайной вечере. Справа и слева от него строго одетые аналитики в галстуках и пиджаках. Он с серьезным видом наклоняется к микрофону, сосет свою трубку и подводит итог прошедшей части заседания, которую мы пропустили. Одна его голая нога покачивается туда-сюда – к публике и от нее, а поношенная сандалия стоит на полу под столом.

Я сказала Беннету, что хочу сидеть сзади, поближе к двери и как можно дальше от тепла, генерируемого Адрианом. Беннет смотрит на меня кислым взглядом, означающим, что его это не устраивает, и шествует вперед, где усаживается рядом с крашеной делегаткой из Аргентины.

Я сижу в последнем ряду, уставившись на Адриана. Адриан смотрит на меня. Он посасывает свою трубку так, словно посасывает меня. Волосы падают ему на глаза. Он откидывает их назад. Мои волосы падают мне на глаза. Я откидываю их назад. Он посасывает свою трубку. Я посасываю его воображаемый член. Наши глаза словно связаны тоненькими лучами, как в космическом комиксе. Тоненькие тепловые волны словно соединяют наши чресла, как в порнографическом комиксе.

А может, он вовсе не на меня смотрит?

– ...конечно, еще остается проблема полной зависимости претендента от его аналитика, – говорит аналитик слева от Адриана.

Адриан усмехается, глядя на меня.

– ...полной зависимости, смягченной только адекватным восприятием реальности претендентом, которое – восприятие – с учетом кафканской атмосферы института может на самом деле быть довольно далеким от реального положения дел...

Кафканской? Я всегда считала, что нужно говорить «кафкианской».

Наверное, я первый в истории медицины случай менопаузы в двадцать девять лет. У меня прилив. У меня такое ощущение, будто лицо запунцовело, сердце стучит, будто мотор спортивной машины, щеки словно проколоты тысячей тонюсеньких акупунктурных иголок. Вся нижняя часть тела словно разжижилась и медленно стекает на пол. Речь уже идет не о том, что у меня мокро в трусиках – я вся растворяюсь.

Я хватаю свой блокнот и начинаю выводить каракули.

«Меня зовут Айседора Зельда Уайт Столлерман Уинг, – пишу я, – а мне бы хотелось быть Гудлав».

Вычеркиваю написанное.

А потом я пишу:

Адриан Гудлав

Доктор Адриан Гудлав

Миссис Адриан Гудлав

Айседора Уинг-Гудлав
Айседора Уайт-Гудлав
Айседора Гудлав
А. Гудлав
Миссис А. Гудлав
Госпожа Айседора Гудлав
Айседора Уинг-Гудлав, член Ордена Британской империи

Сэр Адриан Гудлав
Айседора и Адриан Гудлав
желают вам
=~~буйного Рождества~~
=~~буйной Хануки~~
буйного зимнего солнцестояния

Айседора Уайт Уинг и Адриан Гудлав
с абсолютным
психопатическим почтением
категорически
сообщают
о рождении
их возлюбленного дитяти
Зигмунды Китс
Уайтуинг-Гудлав

Айседора и Адриан
приглашают вас
на
новоселье
в
их новое жилище
на Фласк-Уок, 35
Хемпстед
Лондон ЭнУай-3
галлюциногены приносить с собой

Спешно перечеркиваю все и переворачиваю страницу. Такой ерундой я не занималась с тех времен, когда в пятнадцать лет томилась от любви.

Надеялась после заседания поговорить с Адрианом, но Беннет утащил меня до того, как Адриан успел продрасться сквозь толпу вокруг сцены. Мы втроем стали участниками такого странного трио. Беннет чувствовал, что я себя почти не контролирую, а потому поспешил как можно скорее утащить меня из университета. Адриан чувствовал, что я себя почти не контролирую, а потому не отрывал взгляда от Беннета, пытаюсь понять, что тому известно. А я уже чувствовала себя так, будто эти двое разрывают меня на две половинки. Их вины в этом, конечно, не было. Они только символизировали борьбу, происходящую внутри меня. Дотошная, навязчивая и утомительная стойкость Беннета отражала мой собственный страх перед переменами, боязнь остаться одной, потребность в безопасности. Адриановские шутовские манеры и хватание за ягодички отражали ту часть меня, которая превыше всего жаждала, чтобы все было через край. Мне никогда не удавалось примирить эти две поло-

винки. Я могла лишь (на какое-то время) подавить одну за счет другой. Буржуазные добродетели – брак, стабильность и работа превыше чувственных радостей – никогда не устраивали меня. Я слишком любопытна и авантюрна, а потому не позволяла втиснуть себя в рамки этих ограничений. Но я также страдала от ночных кошмаров и приступов страха перед одиночеством. А потому всегда предпочитала жить с кем-то или быть замужем.

И к тому же искренне верила в длительные и глубокие отношения с одним человеком. Я легко представляла себе тщету перепрыгивания из одной постели в другую и уйму поверхностных романов с множеством поверхностных людей. У меня в жизни приключилась невыразимо тяжелая ситуация, когда я проснулась в постели с мужчиной, говорить с которым мне оказалось невыносимо, – и это тоже явно не стало путем к освобождению. Так или иначе, но способа, сочетать в жизни стабильность и чтобы все через край, не существовало. Тот факт, что умы более выдающиеся, чем я, размышляли над этими вопросами и не могли найти удовлетворительных ответов, тоже меня особо не утешал. Я из-за этого только чувствовала, что все мои проблемы банальны и тривиальны. Если бы я и в самом деле являлась исключительной личностью, думала я, то не заморочивала бы себе голову мыслями о браке и адюльтере. Я бы просто хватала жизнь обеими руками, не чувствуя в связи с этим ни вины, ни раскаяния. Мое чувство вины лишь свидетельствовало, насколько я обуржуазившаяся и достойная презрения особа. Все тревоги на этот счет лишь свидетельствовали о моей ординарности.

В тот вечер торжественные мероприятия начались со встречи претендентов в кафе в Гринцинге¹⁰². Оформлено все было в высшей степени неизящно. Огромные фаллические сардельки с чесноком и квашеная капуста стали основными фрейдистскими блюдами. В качестве развлечения венские претенденты, которые и оплачивали вечеринку, спели хором «Когда аналитики маршируют...» (на мотив «Когда святые маршируют»). Стихи предположительно английские, по крайней мере, венские претенденты, видимо, считали, что это английские стихи. Все смеялись и от души аплодировали, а я сидела там как Гулливер в компании йеху, хмурила брови и думала о конце света. Мы все провалимся в ядерный ад, а эти шуты гороховые продолжают сидеть и петь об идиотских аналитиках. Мрак. Адриана нигде не было видно.

Беннет разговаривал об учебном анализе с другим слушателем из Лондонского института, а я фактически завязала разговор с типом, сидевшим напротив меня, чилийским психоаналитиком, стажировавшимся в Лондоне. Единственным, кого я вспомнила, когда он упомянул Чили, был Неруда¹⁰³. Поэтому мы поговорили о Неруде. Я ему принялась всю пудрить мозги, наплела, как это здорово быть южноамериканцем во времена, когда все великие писатели южноамериканцы. Я считала себя последней мошенницей, но он, казалось, был доволен. Словно я сделала комплимент ему. Разговор продолжался в нелепом литературно-шовинистическом ключе. Мы говорили о сюрреализме применительно к южноамериканской политике, в которой я ни бельмеса не смыслю. Но зато в сюрреализме знаю толк. Сюрреализм, можно сказать, моя жизнь. Адриан хлопнул меня по плечу в тот момент, когда я несла что-то о Борхесе и его лабиринтах¹⁰⁴. Вот вам и разговоры о минотавре. Он оказался прямо у меня за спиной со всеми его рогами. Сердце катапультировалось прямо мне в нос.

Не хочу ли я танцевать? Конечно, я хотела танцевать, но не только.

– Я тебя искал весь день, – сказал он. – Ты где была?

– С мужем.

¹⁰² Район в северо-западной части Вены.

¹⁰³ Неруда, Пабло (1904–1973) – чилийский поэт и политик левого толка.

¹⁰⁴ Борхес, Хорхе Луис (1899–1986) – аргентинский прозаик, поэт и публицист. Борхес признан одним из величайших писателей XX столетия. Многие его рассказы основаны на темах природы времени, бесконечности, зеркал, лабиринтов, реальности и т. п.

– У него какой-то побитый вид. Чем ты его так огорчила?

– Наверное, тобой.

– Ты смотри, поосторожнее, – сказал он. – Не позволяй ревности поднять уродливую голову.

– Она уже подняла.

Мы говорили так, словно давно стали любовниками, правда, в некотором роде мы ими и стали. Если намерение – всё, то мы обречены, как Паоло и Франческа. Но нам некуда пойти, мы не могли ускользнуть с глаз людей, которые смотрели на нас, а потому продолжали танцевать.

– Я плохой танцор, – сказал он.

Он не погрешил против истины – танцор из него никудышный. Но он компенсировал свое неумение, улыбаясь, как Пан, и шаркая своими раздвоенными копытами. Я смеялась с чрезмерно истерической ноткой.

– Танцевать все равно что трахаться, – сказала я, – не имеет значения, как ты смотришься со стороны – нужно сосредоточиться на чувствах.

Не перебарщивала ли я со своей наглостью? И вообще, к чему я корчу светскую даму? У меня от страха крыша поехала.

Я закрыла глаза, двигаясь под музыку. Крутила задницей, вращала бедрами, дергалась всем телом. Когда-то давным-давно, в седые времена твиста, мне пришло в голову, что никто не знает, как танцевать эти танцы, так чего стесняться? В танце или в жизни главное – наглость. С того времени я и стала «хорошей танцоркой» или, по крайней мере, танцевать мне нравилось. Это и в самом деле похоже на совокупление – ритмично двигаешься и потеешь.

Мы с Адрианом, протанцевав следующие пять или шесть танцев, были без ног, все в поту и готовы ехать домой вместе. Потом я станцевала с одним из австрийских претендентов, ради приличий, поддерживать кои было все труднее и труднее. А потом станцевала с Беннетом, который танцует замечательно.

Мне доставляло удовольствие, что Адриан смотрит, как я танцую с мужем. Беннет танцевал намного лучше Адриана, и у него имелась грация, отсутствующая у Адриана, дергающего задницей, словно лошадь, впряженная в телегу. Беннет весь гладкий и изящный – настоящий «ягуар Экс-Кей-И». И он стал так чертовски мил. С того самого момента, как на сцене появился Адриан, Беннет был сама галантность и предупредительность. Он снова начал за мной ухаживать. А это сильно все осложняло. Если бы он только повел себя как скотина! Если бы он только повел себя как эти мужья из романов – отвратительные тираны, которым просто невозможно не наставить рогов. Нет, он, напротив, сама любезность. А хуже всего – его любезность ничуть не уменьшала мою страсть к Адриану.

Моя страсть, возможно, никак не была связана с Беннетом. Да и почему тут нужно было ставить вопрос так: или – или? Просто я хотела их обоих. А вот выбор тут как раз и был невозможен.

Адриан отвез нас в отель. Когда мы спускались по петляющей дороге из Гринцинга, он рассказывал о своих детях, поэтически названных Анаис и Николай, – они жили с ним. Было им десять и двенадцать. Двое других – девочки-близняшки – жили с матерью в Ливерпуле.

– Моим детишкам трудно без матери, – сказал он, – но, с другой стороны, я сам очень неплохая мамочка. Даже готовить люблю. Я готовлю такой карри – пальчики оближешь.

То, как он гордится своим умением хозяйствовать, забавляло и очаровывало. Я сидела на переднем сиденье «триумфа» рядом с Адрианом. Беннет сидел на маленьком сиденье сзади. Ах, если бы он вдруг взял да испарился – вылетел из машины, исчез в лесу. И конечно же, я ненавидела себя за эти желания. Ну почему все так сложно? Почему мы не могли решить проблему по-человечески и открыто. «Извини, дорогой, я сейчас вернусь – только трахнусь с этим прекрасным незнакомцем». Почему она не решается просто, честно

и весело? Почему ради одной жалкой молниеносной случки ты должна рисковать всей жизнью?

Он довез нас до отеля и простился. Какое лицемерие подниматься по лестнице с мужчиной, с которым ты не хочешь трахаться, оставив того, кто тебе нужен, в одиночестве, а потом в перевозбужденном состоянии трахаться-таки с тем, с кем не хочешь, воображая, что ты трахаешься с другим! И это называется супружеской верностью. Это называется цивилизацией и ее издержками.

На следующий вечер должно было состояться официальное открытие конгресса, а следом коктейль во дворе Хофбурга – одного из венских дворцов восемнадцатого века. Внутри здание обновлено, так что общественные помещения полны всеми функциональными благами столовой американского мотеля, но дворик все еще пребывал в тумане восемнадцатого века.

Мы приехали в багряный час – восемь часов июльского вечера. Длинные столы по краям дворика. Официанты продвигались сквозь участников, держа на подносах бокалы с шампанским – увы, шампанское оказалось сладким немецким «сектом»¹⁰⁵. В сиреневых сумерках светились даже аналитики. На Розе Швам-Липкин красовался розовый с бисером гонконгский свитер, красная атласная юбка и ее самые модные ортопедические сандалии. Джуди Роуз щеголяла без бюстгальтера, в платье в обтяжку из серебристого лама¹⁰⁶. Даже на докторе Шрифте был сливового цвета бархатный смокинг и большой розоватый атласный галстук. А на докторе Фроммере – фрак и цилиндр.

Мы с Беннетом двигались сквозь толпу в поисках знакомых лиц. Бродили по дворику без цели, пока официант не наклонил чуть-чуть перед нами поднос с бокалами, и у нас, таким образом, появилось занятие. Я быстро выпила свой, надеясь сразу же запьянеть, но у меня ничего не получилось. Минут через десять я бродила сквозь ставший еще более сиреневым туман, видя пузыри шампанского в уголках своих глаз. Я якобы искала дамский туалет, а на самом же деле я, конечно, искала Адриана. Я нашла тысячу Адрианов, теряющихся в бесконечности в длинном с зеркальными панелями вычурном коридоре перед женским туалетом.

Он отражался в зеркалах. Бесконечное число Адрианов в бежевых вельветовых брюках, сливового цвета водолазках и коричневых замшевых пиджаках. Бесконечное число грязных пальцев, торчащих из бесконечного числа индийских сандалий. Бесконечное число пеньковых трубок, зажатых в его красивых искривленных губах. Моя молниеносная случка? Мой человек под кроватью!¹⁰⁷ Размноженные, как любовники из фильма «В прошлом году в Мариенбаде»¹⁰⁸. Размноженные, как автопортреты Энди Уорхола¹⁰⁹. Размноженные, как тысяча и один будда из храма в Киото. У каждого будды шесть рук, каждая рука имеет дополнительный глаз... сколько болтов у этих миллионов Адрианов? И каждый болт символизирует бесконечную мудрость и бесконечное сострадание Господа.

– Привет, моя прелесть, – говорит он, поворачиваясь ко мне.

– У меня есть кое-что для тебя, – говорю я, протягивая ему надписанную книгу, которую таскала с собой весь день. Края страниц уже стали обтрепываться от моих потных ладоней.

– Ты душка!

¹⁰⁵ Немецкое искристое вино.

¹⁰⁶ Дорогая парчовая ткань.

¹⁰⁷ Устная «страшная» история, рассказываемая друг другу американскими подростками, вариант русской «черной руки».

¹⁰⁸ Фильм 1961 года режиссера Алена Рене.

¹⁰⁹ Уорхол, Энди (1928–1987) – американский художник, культовая фигура в истории поп-арт-движения и современного искусства в целом. Прославился как художник, кинорежиссер, писатель, общественный деятель.

Он берет книгу. Взяв друг друга под руки, мы двигаемся по зеркальному коридору. «Galeotto fu il libro e chi lo scrisse»¹¹⁰, – как сказал бы мой старый приятель Данте. Стихи сводничали, как и их автор. Книга моего тела открылась, и второй круг ада¹¹¹ затаился неподалеку.

– Знаешь, – говорю я, – мы, наверное, больше не увидимся.

– Может, поэтому и делаем это, – говорит он.

Мы выходим из дворца в другой дворик, который теперь используется главным образом как парковка. Среди призраков «опелей», «фольксвагенов» и «пежо» мы обнимаемся – рот ко рту, живот к животу. Никто в мире не целовался так страстно, как Адриан. Его язык повсюду, как океан. Мы уплываем под парусами. Его член, рвущийся из-под вельветовых брюк, – высокая красная труба океанского лайнера. И стоны мои, как океанский ветер.

И я говорю все те глупости, что говорят обнимающиеся на парковках, пытаюсь каким-то образом выразить томление, выразить которое невозможно, разве что средствами поэзии. И все получается как-то неловко. Я люблю твой рот. Я люблю твои волосы. Я люблю твои уши. Я хочу тебя. Я хочу тебя. Я хочу тебя. Все, что угодно, лишь бы не сказать: я тебя люблю. Потому что происходящее слишком прекрасно, чтобы называться любовью. Слишком сладко и восхитительно, чтобы называться чем-то таким трезвым и серьезным, как любовь. Его рот стал жидким. Вкус языка лучше, чем вкус соска для младенца. (Только не надо, Беннет, совать мне под нос всякие психиатрические интерпретации, потому что у меня найдутся другие слова, чтобы сунуть тебе под нос в ответ. Инфантильная. Недоразвитая. Практически кровосмешение. Да кто же спорит? Но я жизнь готова отдать, чтобы и дальше так целоваться. Дорогой Беннет, как ты собираешься анализировать это?)

А Адриан тем временем обеими руками обхватывает мои ягодицы. Он положил книгу на крыло «фольксвагена», чтобы обеими руками обхватить мою задницу. Уж не для этого ли я пишу? Чтобы меня любили? Я больше этого не знаю. Я даже имени своего больше не знаю.

– Я такой классной жопы еще не встречал, – говорит он.

И от этого замечания я испытываю чувства гораздо более сильные, чем если бы меня наградили Национальной литературной премией. Национальную жопошную премию – вот что я хотела бы получить. Трансатлантическая жопошная премия за 1971 год.

– Я чувствую себя как мисс Америка на конгрессе сновидений, – говорю я.

– Ты и есть мисс Америка на конгрессе сновидений, – говорит он, – и я хочу любить тебя со всей страстью, на какую способен, а потом уйти.

Считается, если ты предупрежден – значит, вооружен. Но кто слушал? Единственное, что я слышала, – это стук собственного сердца.

Остальная часть вечера стала сном отражений, бокалов с шампанским и пьяного жаргона психиатров. Мы двинулись назад по коридору зеркал. Мы были так возбуждены, что даже не озаботились тем, чтобы договориться о будущей встрече.

Беннет улыбался рыжеволосой аргентинке, повисшей на его руке. Я выпила еще шампанского и прошла по залу с Адрианом. Он представлял меня всем лондонским аналитикам и нес всякую ерунду о моей ненаписанной статье. Согласны ли они дать интервью? Могли ли заинтересовать их моей журналистской деятельностью? Все время его рука лежала у меня на талии и иногда опускалась на ягодицы. По меньшей мере неосмотрительно. Все видели. Его аналитик. Мой бывший аналитик. Аналитик его сына. Аналитик его дочери. Бывший аналитик моего мужа. Мой муж.

¹¹⁰ «И книга стала нашим Галеотом, что он для нас и написал» (*ит.*). Данте. Божественная комедия. Ад. Книга V (перевод М. Лозинского); Галеот – сенешаль, содействовавший любовной связи королевы Джиневры и Ланцелота.

¹¹¹ В этом круге казнятся увлекавшиеся чувственной любовью, и муки их – непрерывное кружение в адском вихре.

– Миссис Гудлав? – спросил один из пожилых лондонских аналитиков.

– Нет, – ответил Адриан. – К сожалению. Будь оно так, мне бы, вероятно, очень, очень повезло.

Я была на седьмом небе. Голова моя исполнилась шампанского и разговоров о браке. Голова моя полна мыслей о том, чтобы покинуть серый старый Нью-Йорк и переехать в великолепный стильный Лондон. У меня крыша уехала. «Она убежала с каким-то англичанином», – слышала я завистливые голоса моих нью-йоркских друзей. У всех у них имелись хвосты в виде детей и бэбиситтеров, аспирантур, преподавательских мест, аналитиков и пациентов. А я тут летала по сиреневым венским небесам на взятой напрокат метле. Это на меня они рассчитывали, полагая, что я в своих книгах выскажу их фантазии. Это на меня они рассчитывали, полагая, что я напишу смешные истории об их бывших возлюбленных. Это мне они завидовали на публике и надо мной потихоньку посмеивались. Я могла вообразить себе, как эти происшествия будут освещены в «Новостях про одноклассников»:

«Айседора Уайт Уинг и ее новый муж доктор Адриан Гудлав живут в Лондоне неподалеку от Хемпстед-Хит (всех, погрязших в математике, просим не путать с Хитклифом¹¹²). Айседора за рубежом будет рада получить весточку от какой-нибудь однокашницы-барнардитки¹¹³. Она сейчас пишет роман и новую книгу стихов, а в свободное время посещает заседания Международной ассоциации психоаналитиков, где активно блудит...»

Все мои фантазии связаны с браком. Если я воображала, что ухожу от одного мужчины, то неизменно в объятия другого. Как корабль, у которого непременно должен быть порт приписки. Я просто не могла себя вообразить без мужчины. Без мужчины я чувствовала себя, как собака, потерявшая хозяина: лишенная корней, лица, неопределенная.

Но что хорошего в браке? Слава богу, я не первый раз замужем. Некоторые плюсы это давало, но и некоторые минусы. Положительные стороны брака были главным образом негативными. Незамужней женщине в мире, где хозяйничают мужчины, приходилось ох как нелегко, а потому все, что угодно, лучше этого. Брак был лучше. Но не очень. «Черт бы их драл, этих мужиков, – думала я, – устроили все так, что жить одинокой женщине настолько невозможно, что дамы этому предпочитают плохие браки». Почти что угодно можно назвать улучшением по сравнению с жизнью, когда тебе приходится вертеться с утра до ночи на какой-нибудь низкооплачиваемой работе, отражая в свободное время атаки непривлекательных мужчин и одновременно искать привлекательных. Хотя у меня нет сомнений, одиночество для мужчины ничуть не лучше, чем для женщины, но положение мужчин не отягощается опасностью, и оно не обязательно влечет за собой нищету и неоспариваемый статус социальной парии.

Стали бы большинство женщин выходить замуж, если бы знали, что влечет за собой брак? Я думаю о молодых женщинах, которые едут за своими мужьями, когда те отправляются на поиски лучшей работы. Я думаю о том, что они чувствуют, когда оказываются за тысячи миль от друзей и родных. Я думаю о том, что они чувствуют, живя там, где им невозможно найти работу, где говорят на другом языке. Я думаю о том, что они чувствуют, плодя детей, стараясь заполнить пустоту одиночества, не зная для чего. Я думаю об их мужьях – они постоянно делают карьеру, а потому вечно раздражены и измотаны. Я думаю о том, что после свадьбы они видят друг друга реже, чем до нее. Я думаю о том, что они ложатся в постель уставшие – им уже не до любви. Я думаю о том, что по прошествии первого года брака они оказываются так далеко друг от друга, как представить себе не могли во время

¹¹² Хитклиф – главный мужской персонаж романа Эмили Бронте «Грозовой перевал», романтический герой байроновского типа.

¹¹³ То есть студентки Барнард-колледжа при Колумбийском университете в Нью-Йорке.

жениховства. А потом я думаю о тех фантазиях, которые у них начинаются. Он глазееет на четырнадцатилетних постнимфеток в бикини. Она вожделеет к телевизионному мастеру. Заболевает ребенок, и она ложится в постель с педиатром. Он трахает свою мазохистскую маленькую секретаршу, которая читает «Космополитен» и мнит себя суперсовременной. Когда все пошло не так? А было ли оно когда-нибудь так?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.